

18+ Дмитрий Чугунов

ПЕВЕЦ

Книга первая

Дмитрий Чугунов

Певец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70261573

ISBN 9785006217508

Аннотация

Прошлое внезапно меняет всю твою жизнь. Настоящее – то ли прекрасный сад разбегающихся тропинок, то ли паутина, в которой легко запутаться. История мальчика, идущего к обретению важнейших смыслов своей жизни. Сначала – сын простого землемера. Затем – ученик мудрого человека. Наконец – кавалер. Однако всё только начинается... И над прозой земных событий – поэзия бытия...

Содержание

Часть I. Детство	8
Глава первая. Берёзовый Дол	8
Глава вторая. Стригес наводит ужас на жителей деревни	17
Глава третья. Поездка в Римон	25
Глава четвёртая. Анн знакомится с бродячими музыкантами	37
Глава пятая. На аудиенции у римонского графа-наместника	46
Глава шестая. Жизнь в большом мире	54
Глава седьмая. Ужасная встреча	64
Глава восьмая. Трудное время	73
Глава девятая. Мечты и явь	84
Глава десятая. «Солнечная сладость»	94
Глава одиннадцатая. Волшебный цветок	102
Глава двенадцатая. Снова в Римоне	110
Глава тринадцатая. Антика и Конис	119
Глава четырнадцатая. В Гильдии землемеров	130
Глава пятнадцатая. Путь в Школу господина Фланка	139
Часть II. Лебединый Стан	147
Глава первая. Школа Фланка. Первые впечатления	147

Глава вторая. Учитель и ученики	157
Глава третья. Первый урок боевого искусства	165
Глава четвёртая. «На любую вершину ведёт множество тропинок...»	174
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Певец

Дмитрий Чугунов

© Дмитрий Чугунов, 2024

ISBN 978-5-0062-1750-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-1751-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Детство

Глава первая. Берёзовый Дол

Берёзовый Дол был поистине благословенным местом в королевстве. Эта небольшая деревенька лежала у широкой реки, которая именовалась Чёрной. Что за прихоть была у предков, так её назвавших, никто уже и не знал. На «чёрную» она не походила совершенно: не было в ней ни горя человеческого, ни цвета воды такого, чтобы наводил на мрачные мысли. Напротив, частенько проплывали по реке баржи и судёнышки, привозившие ярмарочные товары, забравшие из деревни собранное зерно, глиняную посуду, молодых ребят, решивших попытать счастья на чужбине. Привозимому искренне радовались, звенели песни в те дни, слышался залиvistый девичий смех, да и своё проданное означало весёлые свадьбы по осени и сытую зиму. Об уезжавших с кораблями – не печалились, потому что знали: не пропадут.

На запад от деревни тянулись долгой чередой поля. Так уж странно получилось, что они выстроились друг за другом. Не разбегались лучиками от «солнца», но тянулись, охраняемые с обеих сторон густыми лесами. Одно, другое, третье... Анн не раз спрашивал отца, почему всё у них устроено так необычно. Его отец, землемер, постоянно ездил по округе,

а возвращаясь, рассказывал о жизни в окрестных деревеньках, сравнивал с их собственной. И нигде поля не были настолько вытянуты вдаль. Обычно они расстилались во все стороны, только в Берёзовом Доле тянулись в одну – на запад... На востоке же текла река, с севера и юга – росли леса.

Старики рассказывали легенды о том, что в незапамятные времена в этих местах неожиданно встретились друг с другом два огромных дракона. Ни один не хотел уступить, и они долго сражались. Дракон, прилетевший с востока, выпустил длинную струю пламени, метя в противника. Другой же дракон, увернувшись, успел взлететь вверх от воды. Это от его когтей остались две борозды в крутом речном берегу – два спуска к воде, словно бы вырванные огромными лапами из довольно высокого глинистого обрыва. А пламя, выпущенное в него, прошло дальше, сжигая на своём пути деревья. Так и получилось, что на месте некогда сгоревшего леса неширокой полосой раскинулись плодородные травяные пустоши, превращённые позднее в поля.

Анн живо представлял себе ту эпическую битву могучих драконов, и внутри у него что-то замирало сладко, и пело, и томительно просило выхода. «А где сейчас драконы?» – спрашивал он взрослых. Увы, этого никто не знал. Опять же из поколения в поколение передавалась легенда о том, что драконы ещё вернутся сюда. Когда-нибудь. Все они просто улетели в священное для них место, а где то место – никому не известно. «Да ты сам подумай, – отвечали вопросом

на вопрос Анну, – уютно бы им жилось рядом с людьми? Человек ведь такое существо, что не только дракона, а и кого пострашнее вынудит улететь». А другие смеялись и выдвигали совершенно противоположную версию: «Драконам с нами тесно, Анн, – говорили они. – Драконы любят простор, а мы, люди, копаемся на своих клочках земли год за годом, так жизнь и проходит. Не поняли бы мы друг друга. Плохо было бы и нам, и драконам».

Анн пытался представить себе дракона в здешних местах и соглашался со стариками. Не было бы ему здесь места. Если у него лапы такие большие, что во время битвы половину берегового откоса смахнули в миг, то как маленькому человеку ужиться с ним?!

И всё-таки пело что-то внутри, неясное и вместе с тем лёгкое, звонкое. «А я увижу драконов!» – мог бы сказать Анн, если бы не боялся, что над ним станут смеяться.

Сыну ли землемера мечтать о таком?

Да и без драконов хватало чудес и страшилок.

В Заячьем Лесу, например, действительно водились зайцы! А на Бобровых Ручьях, которых было целых два – Ближний и Дальний, строили свои плотины бобры! Приезжие удивлялись таким чудесам. Вокруг их поселений то и дело какие-нибудь чудища появлялись, а около Берёзового Дола обитали только мирные звери. Конечно, не так уж и близко от деревни, часа два до них идти скорым шагом, но ведь и не сказать, чтобы заповедные края то были! Наверное,

знала живность, что обижать её не будут понапрасну, вот и не разбегалась.

Анн много раз смотрел на бобров. Сначала приходил днём, но в светлое время бобры спят или прячутся. Тогда он постарался запомнить лесные тропинки, чтобы вернуться ночью. Анн любил лес, чувствовал его как дом родной. Это было необычно для деревенских жителей. Они любили реку, любили свои поля, а к лесу относились с некоторой насторожённости. Берёзовый Дол не зря так назывался: берёзы – это не лес, это светлые, ясные пространства, белые, лёгкие, не похожие на сумрачное переплетение стволов, ветвей, подлеска. Жители Дола тоже были людьми лёгкими. Если и ходили в настоящий лес, то недалеко, промышляли грибами и ягодами – для души, а не для продажи. Ходили всегда по свету, к сумеркам возвращались домой. Ночью в лесу оживает всякая нечисть, это знали и стар, и млад. И в сказках о том говорилось, и в песнях пелось. Вот, например: раздаётся вдруг протяжное уханье, и треск какой-то доносится. То ли обычный медведь через кусты пробирается, то ли какое существо неведомое. Поэтому гулять по ночам за деревенской оградой охотников не находилось.

Анн же не понимал, чего могут бояться взрослые. Все звуки казались ему понятными и совсем не страшными. Подумаешь, ночная птица подала голос! Кричит пугающе, а сама размером с кулак. Анн однажды подсмотрел её в сумерках. Заснул, уставший, под деревом, открыл глаза – а солнце уже закатилось, только горизонт едва светлеется. Не день уже, и не ночь ещё – тут птица и подала голос. У мальчика едва сердце в пятки не ушло. Обмирая от ужаса, посмотрел вверх и увидел... крохотное существо. Вот так страшилище!

Под рукой Анна треснула сухая ветка, птица тут же улетела. Кто кого испугался, спрашивается. Анн побежал в деревню, рассказал о случившемся, но его только высмеяли. Ребятчи придумки, сказали. Словно бы он был вообще не такой, как они. Чужой.

Он действительно умел то, чего не умели остальные.

Например, разговаривать с кошками. Анн любую гладит по шерсти, кошка мурлычет – а он ей вторит, да если прислушаться, то выходит целая музыка, выше, ниже, ну точь-в-точь – общаются! О чём можно с кошками – да и собаками – беседовать, Анн никому не рассказывал. И потому, что никто особенно не спрашивал, а ещё потому, что все сразу начинали смеяться.

Он не сразу этому научился. Когда Анн попробовал первый раз поговорить с их домашней кошкой, та насторожилась и недоверчиво затрясла хвостом, а затем улизнула в приоткрытую дверь. Дворовый пёс тоже о чём-то таком подумал, попятился и скрылся в своей будке. Анн мог бы поклясться, что собачья морда выражала крайнюю степень удивления. Однако он не оставлял своих попыток, и однажды ему ответили.

Так же он общался и с лесом. Задерживался всякий раз чуть дольше, чем обычно, на его опушке, хотя солнце уходило всё ниже и ниже за горизонт, и становилось всё страшнее и страшнее. Зато сколько новых звуков он узнавал каждый день! Многие Анн пробовал повторить, хотя не знал, что они

означают. Повторял, и страхи пропадали куда-то.

Однажды он вылез ночью в окно своей комнаты (а у него была своя комната!) и, таясь, чтобы не попасть на глаза деревенскому обходчику, побежал к бобрам. Днём он исходил эти места много раз, специально закрывая глаза, представляя себе, как идёт в темноте и почти ничего не разбирает под ногами. Теперь его подготовка сказала: он не упал ни в какой приток ручья, ни в случайную яму...

Ещё издали Анн услышал характерные звуки – бобры грызли деревья. Разыгравшаяся фантазия вполне могла нарисовать ему нечто неведомое, с огромными зубами, голодное и страшное, от чего следовало бежать сломя голову. И это неведомое сидело во всех кустах, за каждым пригорком. И бежать было некуда...

Анн, не поддаваясь страху, прислушался и попытался повторить доносившийся звук. Получилось не особенно хорошо.

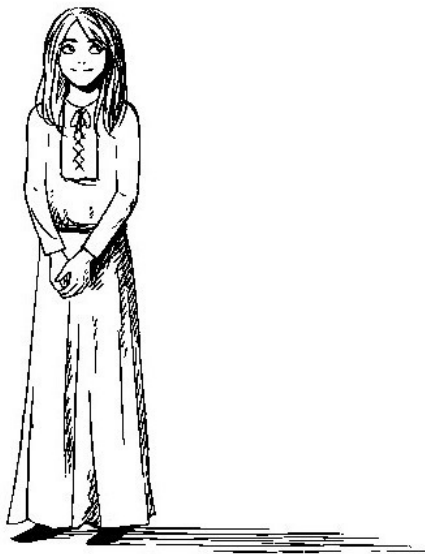
Однако он был упорным и пытался заговорить со зверями и на вторую вылазку в ночной лес, и на третью... Он приходил и днём. Приближался к плетёным домикам, в которых жили бобры, и пробовал произносить их «слова».

Зачем это было нужно ему, он и сам не знал.

Анн рассказывал кое-что только соседской девочке, Нель. Она нравилась ему. Специально для неё он подманивал кошек, и Нель держала их на руках и гладила. Ещё он развлекал её тем, что велел закрыть глаза и представлять – а сам

изображал шум ветра, шелест листьев, далёкие звуки с реки, шаги людей... Нель потом открывала глаза и смеялась, рассказывая, какие живые картины вдруг вставали у неё перед глазами. «А знаешь, – говорила она Анну, – в большом городе к югу от нашей деревни есть место, где люди изображают других людей. Наверное, так же, как ты. Вот бы посмотреть!» – «А откуда ты знаешь?» – «Отец рассказывал. Он плавал туда много лет назад, когда молодым был».

Анну тоже хотелось посмотреть на мир, лежащий за пределами их маленькой деревни. Отец Анна много ездил по окрестностям, но пока не брал мальчика с собой. Придумывал разные отговорки. Дома – учил кое-чему из того, что знал сам, и Анн уже умел читать, складывать цифры, умел рисовать палочкой на земле несложные карты. Однако дальше дело не заходило, словно бы отец Анна не верил в то, что его наука когда-нибудь пригодится парню. Учил, но как-то нехотя. В чём дело, Анн не понимал, но отца любил.

Друзей у него почти не было.

Он ладил со всеми, люди в деревне жили добродушные и открытые, но вот настоящего, доброго друга, с которым общался бы – не разлей вода, у него не было. Ну какой ненормальный пойдёт ночью в лес? Так и выходило, что большую часть времени он проводил один или с Нель.

Глава вторая. Стригес наводит ужас на жителей деревни

Всё переменялось, когда отец однажды заглянул ночью в его комнату и не обнаружил Анна...

А ведь время в деревне наступило беспокойное. На дальних полях в трёх местах нашли отпечатки чьих-то лап и ещё – следы запёкшейся крови на комках земли. Поверхность не была взрыхлена, то есть борьбы не было, и это пугало больше всего. Выходило так, что некий зверь спустился сверху – отсюда и появился отпечаток – схватил кого-то, моментально сломал ему хребет зубами и улетел с добычей.

Охотников в Берёзовом Доле можно было пересчитать по пальцам, деревня была земледельческой. Осмотрев место, они задумчиво покачали головами.

– Большие отпечатки, – сказал один то, что и без него все видели.

В след на земле можно было поставить друг за другом две ступни взрослого мужчины.

– Следы рядом, как будто он прыгал с высоты.

И это тоже все видели.

– А кого он схватил? – кричали из толпы.

Матео, лучший охотник, отложил в сторону свой лук и присел на корточки. Потом передвинулся чуть в сторону, ещё, ещё... Наконец, метрах в десяти от непонятого места

снял с пшеничного колоса малозаметную шерстинку и стал разглядывать её.

– Волк. Он унёс волка, – выдохнул Матео и встал. – Это волчья шерсть. Следы не очень ясные, а шерстинка вот осталась.

То, что волк вышел на поля, было понятно. На то он и хищник, чтобы добычу себе искать. И коровами близ деревни пахнет, и прочей скотиной, и собака может далеко забежать, отчего бы её не словить? Только кто самого волка так легко утащил? И чего теперь стоило ждать, что ещё могло случиться?

Взрослые в Берёзовом Доле насторожились.

Легенды хороши, когда их старики вечерами рассказывают. А вот по-настоящему случись что-нибудь такое – от страха умрёшь. Какая-то глупая баба так и запричитала: ой, драконы возвращаются, ой, всех поедят... На неё цыкнули зло и спросили: если драконы половину берега лапами вырывают, то отчего тут следы такие маленькие? Что это за дракон-недомерок, дракон-лилипут? Все расхохотались, а баба растерянно спросила: значит, не драконы? И все обрадовались: не драконы.

А потом задумались: если не дракон оставил следы, то кто?

Вот поэтому за детьми начали больше приглядывать, да и взрослые далеко от деревни по одиночке не уходили. И когда отец заглянул ночью в комнату Анна и не нашёл

его там...

...Анн возвращался из своего ночного похода на Бобровые Ручьи. Ему удалось подобраться совсем близко к строителям плотин. Он даже видел, как один зверёк вылез за берег и стал лакомиться корой ивы, склонившей свои ветви над водой. Один раз бобр повернул, казалось, свою мордочку прямо на Анну и посмотрел внимательно, издав вопрошающий звук. Анн не удержался и ответил похожим звуком. Бобр отвернулся и продолжил трапезу.

Анн ликовал: у него получилось! Если ещё поупражняться, то он сможет говорить с бобрами так же, как разговаривает с кошками и собаками. Правда, зачем ему это умение, мальчик не смог бы объяснить, ведь он не собирался предательски заманивать зверьков под копья и стрелы охотников.

Он осторожно выбрался на лесную дорожку и побежал по ней к деревне. На окраине леса его встретил неясный гул, над деревней светились огни факелов.

Что-то случилось. Анн решил послушать, о чём кричат люди. Однако не успел он сделать и двух шагов по улице, как оказался сбитым с ног тяжёлой затрециной. Проехав носом по песку, Анн поднялся на ноги и увидел отца, стоявшего перед ним вместе с другими мужчинами. Один из них держал за руку испуганную Нель.

– Живой, живой, – слышался чей-то женский голос, наверное, матери, потому что в голове у Анны ещё гудело после удара, но голос грубо оборвали.

– Ступай в дом, – сказал отец среди молчания.

И Анн пошёл.

Деревенские жители переполошились не на шутку. Открытое окно, пропавший мальчик – если случилось то же, что и на полях, то... думать о таком было страшно! Ещё надеясь на лучшее, отец Анна бросился к соседям, вспомнив о его дружбе с Нель. И та с перепугу открыла их тайну, рассказала, что Анн иногда гуляет по ночам в лесу на Бобровых Ручьях и что искать его нужно, наверное, там.

Это известие было ничуть не лучше.

Мужчины шумели и бегали по деревне, зажигали факелы, но первым идти в неведомый ночной мир никто не отважился.

– Если твой мальчишка жив, то доживёт до утра, – сказал, наконец, деревенский кузнец, – а если его ночное чудище загрызло, то мы всё равно не поможем, только сами в беду попадём. Тут нас родовые духи охраняют, а там не будет помощи и защиты.

– Правильно, поутру пойдём искать, – откликнулись другие.

– Как начнёт светать, так и пойдём...

– У нас и охотники все ушли на промысел, без них мы совсем ничего не сделаем...

И в этот самый момент появился Анн.

Сказать, что ему влетело, – значит, ничего не сказать. Такими рассерженными своих родителей он ещё не видел.

Даже всегда спокойный дядя, мамин брат, смотрел на него неодобрительно.

Обидевшись на весь свет, Анн долго не мог уснуть, ворочался, вновь и вновь вспоминал полученную затрещину... В сердце занозой сидела обида на Нель, выдавшую его... Он не мог понять и всеобщей трусости, потому что ночной лес был совсем не страшным... и этой паники из-за какого-то там волка...

И весь следующий день Анн ходил хмурый и насупленный. День не клеился, всё валилось из рук. Тогда он сел в углу двора и начал чинить расшатавшиеся грабли, которыми они собирали в кучи листву с яблоневых деревьев. Переложил вещи в сарае, наведя порядок, полил огород, потом ещё нашёл себе занятие. Так и день пролетел. А на исходе его...

Молодая жена мельника сидела во дворе дома с грудным ребёнком. Мимо по улице проходили подружки. Она повесила люльку на ветку яблони в саду, чтобы малыш поспал на свежем воздухе, а сама побежала поболтать с ними. Отвлеклась всего на час, не более. Вспомнила о ребёнке, пошла за люлькой в сад. Солнце уже садилось.

Сначала она приняла это за тень, протянувшуюся от ближайшего дерева. Сделала шаг вперёд и закричала не своим голосом. Потому что ребёнка в люльке уже не было. На земле рядом с деревом сидело странное, невиданное животное, с тёмными перепончатыми крыльями, сложенными за спиной. Крылатый зверь поднял голову от окровавленной люль-

ки и оскалил зубы. Жена мельника повалилась на землю без чувств. Так её и нашли.

– Бедняжка, – сказала мать за завтраком, – молчит и молчит. Глаза куда-то устремлены, на вопросы не отвечает, сама ничего не просит. Тронулась умом, похоже.

– Да, такое пережить...

Анн видел, как отец листал старинную книгу – из тех, что стояли в книжном шкафу на особой полке. Некоторые книги ему давали читать, Анн разумел грамоте и мог потом пересказывать всякие интересные истории Нель. А другие запрещалось трогать. Анн, по правде говоря, и не очень-то стремился. Он видел некоторые, когда их открывал отец: по страницам нескончаемым потоком тянулись какие-то цифры, чертежи, изображения... Это не было интересно ему. И вот отец достал подобную книгу, только без чертежей, а с картинками.

– Смотри, – сказал он, – и ты поймёшь, почему я ударил тебя. Никто больше этого не знает, хотя скоро многие догадуются, кто посетил дом мельника.

Анн заглянул в книгу. Если чудовища в рассказах стариков частенько представлялись глупыми, то здесь художник запечатлел не просто свирепое, но и очевидно умное существо. Чего стоили одни глаза его!

– Стригес, – сказал отец, – или «ночной демон». Как здесь написано, «стригес летает в ночи и ищет детей, оставленных няньками. Он выхватывает их прямо из колыбели, а потом

терзает внутренности младенцев и наполняет своё горло свежей кровью».

Мать возмущённо всплеснула руками, но отец строго посмотрел на неё.

– Мальчик должен знать, на кого он может натолкнуться ночью, если станет убегать из дому. Стригес, существо упрямое и злобное, может месяцами изводить одну деревню. Я думал, что они давно вымерли, что они – выдумка досужих умов, а вон что оказалось.

– Можно же как-то его убить? – спросила мать.

– Наверное, но я не знаю такого охотника, и ты не знаешь. Тут ещё приводится ритуал защиты от стригеса, но... ерунда какая-то...

– Читай, – сказала мать.

– Нужно призвать древнюю богиню Арну. Призывая, помазать соком земляничного дерева порог и дверь в дом, окна

и дымовую трубу. Затем взять окровавленные внутренности свиньи, не старше двух месяцев, и пообещать богине жертву, сердце за сердце, жизнь за жизнь. И богиня Арна, которая управляет ночью, смилостивится и уведёт стригеса в другое место.

– А как понять, что богиня смилостивилась? – спросил Анн.

– На подоконнике утром должна сама собой появиться ветка боярышника. Ну, так написано здесь.

– Думаешь, стоит так поступить? – спросила мать. – Ты расскажешь завтра старосте о том, что написано в книге?

– Расскажу, – сказал отец. И добавил странные слова: – Если случится беда, нам этого не простят. Да и мы сами себе не простим.

Анн ничего не понял и подумал, что ослышался.

А день спустя отец сообщил, что едет в Римон и берёт мальчика с собой.

Глава третья. Поездка в Римон

Римон, куда направлялся отец, лежал севернее Берёзового Дола. Небольшой городок на берегу той же реки. В Римоне варили сахар, забивали скот – на другом берегу раскинулись бескрайние поля. Туда на всё лето отправляли римонские стада, объездчики так и жили в травяных просторах, даже строили себе временные городки, возвращаясь домой только в октябре или ноябре.

В Римоне размещалась землемерная контора, в которой служил отец. Там он получал заказы, там отчитывался за свою работу несколько раз в год.

Жил в Римоне и наместник короля. Его замок стоял на прибрежной возвышенности, в некотором отдалении от всех складов, мастерских, рыночных помещений... Отец собирался, как понял Анн, сдать документы в контору, а затем просить аудиенции у графа-наместника. Вдруг наместник заинтересуется возможностью сделать из ночного демона чучело и потом преподнести его в качестве трофея королю.

– Не верится мне, что стригес по доброй воле от нас отстанет, – сказал отец Анну. – Вся надежда – на добрую стрелу.

– А наместник выслушает тебя?

– Сложно будет, конечно, попасть к нему. Но если ты хочешь с чем-нибудь справиться, то – справишься! Запом-

ни это!

– А почему в твоей книге ничего не написано о том, как убить чудище? Или победить, связать?

Отец помолчал.

– Наверное, сын, потому, что подобные книги пишут маги. Они всегда темнят.

– Ну и что? Они ведь хорошо знают то, о чём пишут.

– В том-то и дело, что маги привыкли сражаться магией, как мечники – мечами, лучники – стрелами... Может быть, магу и удобнее было бы стукнуть тебя, например, кулаком, чтобы проучить, если ты его заденешь словом или делом, но он всё равно рассыпает свои порошки вокруг себя, бормочет разные слова... А для чего? Чтобы вызвать ветер, который подхватит лежащую неподалёку палку, которая взлетит и треснет тебя хорошенько.

– То есть книга ошибается? – воскликнул Анн изумлённо.

– Нет, совсем нет! Книга всегда показывает только один путь из множества. Если ты ограничишься им, то может статься, что пойдёшь в верном направлении, но это будет не обязательно самый близкий путь. Где-то найдутся и более короткие.

Анн задумался и спросил:

– А ты специально взял меня с собой в этот раз? Чтобы увезти из деревни, да?

Отец помедлил и кивнул.

– Мне так спокойнее. Знать, что с тобой ничего не слу-

чится.

Дорога в Римон некоторое время шла вдоль реки, затем сворачивала в сторону и забиралась на возвышенность. Слева тянулся Сонный Лес, получивший такое название из-за невероятного спокойствия, которое охватывало человека, туда попадавшего. Лес был насквозь ясным, в солнечные дни по-особенному светился лучиками, пробивавшимися сквозь кроны деревьев, а в дождь навевал на путников меланхоличное настроение, когда не хотелось никуда спешить. И в доброе время, и в непогоду люди могли спокойно идти, идти себе по лесным тропинкам, а потом вдруг останавливались, словно засыпали, и смотрели, смотрели, смотрели куда-то вдаль... Затем, опомнившись, трясли головой, смеялись и шли дальше.

Для Анна эта поездка была первым далёким путешествием, и он с жадностью разглядывал всё вокруг.

Поначалу ещё было видно с высоты голубую ленточку реки, но скоро она скрылась из виду. Далее вдоль берега тянулись скалы. Анн никогда не забирался так далеко на север от их деревни. В этих краях для мальчишек не было ничего интересного. Грибы и ягоды росли много ближе, бессмысленно бродить по дороге – значило найти себе ненужные и неприятные приключения, а лезть сквозь чащобу на скалы вообще не было охотников. Вылезешь, посмотришь сверху вниз – и всё. Не спустишься к воде искупаться, потому что слишком круто.

А ещё рассказывали, что где-то в тех скалах находится школа Учителя. У них в деревне тоже была школа, там учили считать и писать. Зачем и кому потребовалось устраивать место обучения так далеко от обитаемых мест, Анн не знал. Мог догадываться разве, что в таинственной школе учили чему-то особенному. Один парень из их деревни даже пытался туда поступить. Здоровенный бугай, сын старосты, вообразил, что там его научат драться. Кто-то когда-то кому-то рассказывал, что... Вот старостин сын и подался туда. У него якобы спросили, зачем ему это надо. Он ответил, что хочет записаться в стражники или в графскую дружину, что крестьянином быть не хочет. Тогда спрашивавший вынес из-за

ограды веник, метлу и вручил ему. «Зачем?» – изумился парень. – «Вот этим мы тут и занимаемся, – объяснили ему, – машем веником, дерёмся метлой. Как раз время уборки подоспело. Заходи!» Сын старосты плюнул и пошёл восвояси. Зря только ноги бил, коли здесь полоумные живут. Метлой пусть бабы дома машут, не мужское это дело.

Анн сидел на повозке рядом с отцом и наслаждался – и звуками леса вокруг, и негромким шумом колёс, и тем, что он наконец-то участвовал во «взрослом» путешествии. Он пытался угадать, что откроется глазам за очередным поворотом, и радовался, если ему это удавалось. Он радовался тому, что некоторые из встречных приветливо раскланивались с отцом, а тот в ответ тоже кланялся, вставая на ноги и приподнимая шляпу. Дорога огибала скалистые холмы, тянувшиеся по правую руку, сбегала в неглубокие овраги и вновь поднималась на открытые места. На всей протяжённости она была ухоженной, без ям и рытвин, какие встречались, как рассказывал отец, к югу от деревни. Видимо, сказывалась относительная близость к замку наместника.

В одном месте глазам открылись великолепные цветущие луга, от которых захватывало дух. Отец остановил повозку, и они сбежали с проезжей части на благоухающее разнотравье, наполненное ровным шелестом ветра, гулом пчёл, чудесными ароматами и красками цветов. Никогда ещё Анн не видел столько оттенков зелёного цвета, как здесь. Вблизи один, если посмотреть вдаль – другой, а где-то плескалась

сплошная зелёная волна, которая мягко плыла, дрожала, поддёргиваясь прозрачной дымкой...

– Луга в этом месте пять раз меняют свою одежду, – сказал отец.

У мальчика удивлённо поднялись брови.

– Пастухи шутят, что всякий раз приходят сюда, будто бы на свиданье к новой девушке. И мёд из этих мест замечательный.

Никогда ещё отец не был так разговорчив. Он рассказывал всё новые и новые истории, за которыми дорога пролетела незаметно. Анн сидел рядом с отцом, слушал, смотрел на незнакомые диковины и был счастлив.

Они въехали в Римон ближе к вечеру, когда дневная жара спадает, тени удлиняются, а люди уже начинают подумывать об отдыхе. Контора землемеров была открыта, и отец первым делом направил лошадку туда. Мальчик остался сидеть в повозке, а он вошёл внутрь, держа в руках папку бумаг. А потом они поехали ещё куда-то.

– Мы будем ночевать в гостинице? – спросил Анн.

– Да, – отвечал отец, – здесь рядом есть чистая и недорогая. Там же и поедем. Проголодался, наверное?

– Проголодался.

– Ещё бы, восемь часов в дороге! Первое твоё путешествие... Я, помню, когда сам так впервые поехал далеко от дома, успел целых два раза поспать прямо на ходу.

– А ты тоже ездил в Римон?

- Нет, – засмеялся отец. – Это далеко отсюда было. Ты даже такого названия города не слышал. От нас неделя пути.
- А что ты там делал?
- Я там жил, – сказал отец.
- А потом?
- А потом переехал сюда. Подрастёшь ещё немного, расскажу.
- А почему не сейчас? Я уже большой.
- Ну... – отец задумался, – есть вещи, которые тебе пока рано знать. Обязательно расскажу, но – позже.
- А ты научишь меня искусству землемера?
- Ты хочешь быть землемером? – удивился отец.
- Я не знаю, – сказал Анн, – но ведь все в нашей деревне идут по стопам отцов. Сын мельника будет мельником, а крестьянские дети совсем рано начинают помогать родителям на полях. Так же и я, наверное, стану измерять участки и наносить их на карты.
- Поживём – увидим, – сказал отец задумчиво.
- Он остановил лошадь у большого двухэтажного дома, на котором виднелась аляповатая вывеска – «Приют путника». Слуга повёл их лошадку в конюшню, а они пошли внутрь.

Им отвели комнату на втором этаже. Очень простую, с деревянными стенами и чисто выструганным полом. В комнате еле слышно пахло стружками и сосновой смолой. В углу стоял большой жестяной таз, а рядом с ним – два кувшина, в которых, очевидно, можно было принести горячую воду для омовения. На грубо сколоченном столе виднелись два подсвечника с сальными свечами.

– Просто и прочно, – сказал отец. – Трудно что-либо сломать по неосторожности. Иные ведь так напиваются, что ничего не соображают. И не страшно: разве что лоб себе расшибёт такой пьянчужка, а мебель всё выдержит.

Оставив вещи в комнате, спустились вниз, в большой зал. Сели недалеко от стойки, на свету. Слуга спросил грубовато: «Что жрать будете? Есть индейка, есть мясо по-римонски, есть овощи...»

– Ты не смотри, что он невежлив, – предупредительно ска-

зал отец, – накурмят тут до отвала и лишнего не возьмут.

Так и оказалось. Анн набил себе живот так, что его потянуло в сон прямо за столом. Он сидел и клевал носом, не обращая внимания ни на шум вокруг, ни на разговоры... А отец специально сел так близко к стойке, чтобы удобнее было общаться, он то и дело перебрасывался шутками со старыми знакомыми. Анн в полудрёме вспомнил, что в трактирах, харчевнях, гостиницах пьяные посетители обязательно должны драться друг с другом, хотя бы раз в день. И на этот случай где-нибудь в углу сидит вышибала, который разнимает драчунов и потом выбрасывает их на улицу. Он покрутил головой по сторонам.

– Кого высматриваешь? – спросил отец.

– А тут есть человек, который не даёт буянить?

– Вышибала-то? Есть, конечно. Только здесь обычно не буянят.

– Почему?

– А смысла нет, всё равно не получится. Посмотри в тот угол, рядом с дверью!

Анн увидел совершенно неприметного человечка, который ничем не походил на могучего воина. Он сидел в тени, а его незаметность дополнялась ещё и особенным костюмом – серым, без украшений, удобно облегавшим тело, со странной эмблемой на груди. Анн пригляделся и различил простой рисунок скал, выполненный двумя-тремя штрихами.

– Этот охранник – из особой школы, – пояснил негромко отец. – Здешнему хозяину очень повезло, что он имеет такого охранника. Даже не представляю, сколько он ему платит.

– Почему?

– Местные хулиганы обходят это место стороной. Несколько раз пробовали хозяина на испуг, да только зубы обломали.

В подтверждение его слов в эту минуту входная дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился абсолютно пьяный гость. Ероша и без того спутанные волосы внушительной пятернёй, он что-то нечленораздельно пробурчал и двинулся к стойке. Красные, налитые кровью глаза были устремлены в одну точку где-то впереди себя.

И отчего-то через пару шагов громила упал, с размаху треснувшись мордой об пол. Кто-то испуганно ахнул. Охранник, любезно подскочив к упавшему, вопреки ожиданиям мальчика помог ему подняться. Однако, не сделав и шага, вошедший снова завалился на пол и обиженно заревел. Охранник снова подставил ему руку помощи и помог подняться. Громила теперь стоял на месте, опасаясь двинуться вперёд, и мучительно размышлял, что это такое с ним приключилось.

Отец улыбался, глядя на представление.

Охранник что-то прошептал громиле на ухо, подхватил его под руку и бережно повёл к выходу, тот не противился.

– Ну, вот и молодец, пора баиньки, – говорил негромко

человечек в сером одеянии, – а завтра приходи, сегодня тут пол у нас какой-то скользкий, ну такой неправильный пол, а мы его до завтра вымоем, почистим, будем рады дорогому гостю...

Безостановочно заговаривая тому зубы, он довёл громилу до дверей и переставил за порог, выказав при этом недюжинную силу, ибо большой пьяный человек и на порог отчего-то смотрел с подозрением, опасаясь перенести через него хотя бы одну ногу. Видимо, падения оказались довольно болезненными.

Затем всё стало, как и было до этого – шумно, но спокойно, безопасно.

– Пап, а ты знаешь, я могу поклясться тебе... – начал было Анн, но отец прервал его:

– Ты тоже заметил?

– Да! Он ведь сам ему ноги и заплетал! Я случайно заметил. У меня глаза закрывались, я вниз смотрел, а тут вижу, как он вроде бы его поддерживает под локоть, а ногой своей... А тот и не понял!

– Точно, – улыбнулся отец, – не понял, а потому и не разобиделся, и не пошёл крушить всё вокруг. Я думаю, что охранник бы всё равно с ним сладил, но тогда пришлось бы калечить этого здоровяка. А так и он просто выпится, сетуя разве что на неровный пол.

– Пап, а почему у вышибалы такая странная эмблема на груди?

– Ну, ты глазастый! А говоришь, засыпать стал. Он из школы Учителя.

– Из той, что в скалах? Значит, там всё-таки учат драться?

– Вряд ли так просто, – ответил отец, подумав. – Я не могу тебе сказать точно, чему там учат. О школе много слухов ходит. Говорят, что проходящих могут учить совсем не тому, чего те ожидали, чего хотели.

– А как же?

– Не знаю, – сказал отец и поднялся с места. – Пойдём уже спать, завтра наместник должен вернуться в свой замок, как мне сказали. Надо попытаться попасть к нему.

Глава четвёртая. Анн знакомится с бродячими музыкантами

Гостиница просыпалась рано.

Солнечные лучики ещё даже и не заглядывали к ним в окно, как мир наполнился голосами во дворе, топотом ног в коридоре, запахами готовящейся яичницы и свежее испечённого хлеба.

Анн открыл глаза: отец, уже одетый, стоял рядом со столом и читал какую-то бумагу. Потом он аккуратно свернул её в трубочку, перевязал лентой и повернулся к нему.

– Проснулся? Молодец. Вставай, у нас быстрый завтрак – и мы идём к наместнику. Будем ждать аудиенции.

Внизу, в большом зале, ничто не напоминало о вчерашнем. Сонная служанка разносила блюда, знакомые лица спокойно сидели за крепкими дубовыми столами и поглощали нехитрую пищу, запивая её чем-то из больших кружек. Не кричали, не веселились, как вечером, когда всё было исполнено и закончено, напротив – каждый витал мыслями в только начинавшемся дне, в предстоящих делах и событиях.

Даже охранника нигде не было, что огорчило Анна: он бы с удовольствием ещё раз взглянул на его эмблему. Её простота была необъяснимо привлекательна. Анн несколько раз видел всякого рода дворянские гербы. Два раза они попада-

лись ему в книгах. А однажды через их деревню проезжал самый настоящий барон: мальчик как раз сидел у окна и смог рассмотреть изображение на дверцах его кареты. Какие только образы не мешали друг с другом благородные владельцы! И фантастические животные, и странные предметы в странных положениях... Эмблема же на груди охранника – три энергичных изгиба, три вершины, три скалы, соединённые последовательно – запоминалась легко и не казалась Анну вычурной.

В замок наместника отправились пешком.

На римонских улочках было уже много людей. Анн вертел головой из стороны в сторону, всё представлялось в диковинку. И невиданные дома, так отличавшиеся от жилищ их деревни, и мостовая, с крупными булыжниками, уложенными один к одному, с канавками для воды по краям, и одежда здешних жителей.

– Как здесь красиво! – не удержался Анн.

Отец улыбнулся на ходу:

– Здесь просто чистый квартал. А есть и другие места, в которых тебе понравилось бы меньше.

– Там плохо?

– Там больше грязи, пахнет не столь хорошо, да и вообще. Здесь живут состоятельные горожане, всё-таки близко к главной площади, к магистрату. А вот если бы спустились туда, – и он махнул рукой в сторону одной улочки, убежавшей вниз, – то попали бы в квартал кожевенников. Представля-

ешь, какая там вонь в воздухе?

И он стал рассказывать между делом о том, чем живёт Римон, как устроена его городская жизнь. Кое-что ANN узнавал и сам: в первую очередь то, что в запутанных, извилистых улочках мог бы заблудиться любой гость. И в то же время потерявшийся мог бы так же неожиданно оказаться на какой-нибудь знакомой площади, свернув в узкий проход между домами и пройдя по нему два десятка шагов.

Они многое увидели по пути: сначала лотки со свежей рыбой – здесь торговали те, кто жил у самой реки. А потом квартал, в котором жили «чёрные» кузнецы. Как объяснил отец, они изготавливали только мирные предметы: косы, ножницы, печные щипцы...

– Оружия у них не купишь, – сказал отец. – Мечи и доспехи делают только в замке наместника. Конечно, у каждого горожанина найдётся что-нибудь дома для обороны, но это хранится ещё с незапамятных времён, когда нас тревожили дикие кочевники.

– Из степи? А почему?

– Раньше граница была недалеко. А в наши дни до пограничья скакать и скакать на добром коне...

– Мир такой большой?

– Да.

Они вышли на главную площадь. Римон не поражал размерами и количеством жителей, но всё же выстроил себе внушительных размеров магистрат в три этажа. Здание

из песчаника, уже довольно тёмного из-за времени, венчала башенка с часами. Анн никогда не видел такого чуда. Огромный, как ему казалось, циферблат с причудливыми цифрами, справа и слева от него – какие-то дверки. Пока он стоял, замороженный, задрав голову, за дверками что-то щёлкнуло, раздалась музыка, и на маленькую площадку впереди выехал... игрушечный рудокоп! Помахивая киркой, он двинулся к другой дверце, тоже открывшейся. Часы в этот момент стали отбивать восемь ударов. Как жаль, что рудокоп потом уехал в темные внутренности и дверки закрылись до следующего часа!

– А потом снова рудокоп появится? – спросил Анн.

– Кто-нибудь другой, – сказал отец, – в этих часах много фигурок.

– А кто их сделал?

– Какой-то мастер из далёких земель. Рассказывают, что однажды он ехал через Римон к нашему королю и тяжело заболел в дороге. Думал, что умрёт, но его здесь вылечили. И он отблагодарил город. Сначала продолжил своё путешествие, а через несколько лет вернулся – специально для того, чтобы построить эти часы. Ты представляешь, как нашим горожанам завидуют в других местах?!

– Ух, сказка...

– Даже у наместника в замке таких нет!

– А мы пойдём в магистрат или в замок? – спросил Анн.

– В замок, конечно. Магистрат ведаёт мирными делами,

а нам воинская помощь нужна. Графа будем просить.

До замка оставалось совсем немного. К нему вела главная улица, широкая и даже более чистая, чем та, на которой стояла их гостиница. Здесь попадались не только пешеходы, но и верховые.

Замок графа стоял на небольшом холме. Прямо перед ним, в двадцати шагах от замковой стены, от реющих штандартов над ней, располагался... трактир. Чуть позже Анн понял, зачем он был тут.

Отец подошёл к воротам и вручил вышедшему к нему офицеру свой лист бумаги, перевязанный лентой.

– Ожидайте, – бесстрастно сказал офицер и ушёл.

Проход в замок снова заступили два солдата с алебардами.

– Пойдём, теперь – только ждать, – и отец направился в тот самый трактир, поразивший Анна.

Здесь ожидали своего часа просители. Они не собирались перед воротами, не шумели, не создавали подозрительной толпы, а мирно пили чай или какой-нибудь бодрящий травяной напиток.

Трактир внутри оказался даже больше, чем виделось снаружи. Несмотря на начало дня, в его прохладных залах уже кипела жизнь. Мальчика заинтересовали музыканты, которые развлекали публику несложными мелодиями.

Их было двое. Для них столы и лавки сдвинули к стене, чтобы высвободить пространство. Девушка с распущенными каштановыми волосами играла на мюзете. Анн никогда

не видел такого инструмента. Под левым локтем у неё торчал какой-то кожаный мешок с выходящими из него трубками. В одной трубке были дырочки. Девушка зажимала их пальцами и тем самым извлекала удивительные звуки. А две других трубки просто гудели, но при этом очень гармонично сочетались между собой. Губами девушка зажимала четвёртую трубку, вдывая воздух в мешок.

Спутник девушки играл, широко расставив ноги, на большом двустороннем барабане. Он был абсолютно лыс.

Их мелодия лилась, как поток, звенела, журчала ручейками. В воображении возникали поля, по которым Анн с отцом ехали сюда, представлялись колебания нагретого воздуха над раскалёнными солнцем камнями, слышался говор путников, идущих по дороге. Язык музыки был прост и понятен. Всё, что было снаружи, вся жизнь и все впечатления, внезапно переносилось сюда, в прохладу маленького трактира рядом с замком.

Вдруг девушка изменила мелодию. Полузакрыв глаза, она пошла по кругу, притоптывая и отсчитывая новый ритм всем телом, а её пальцы побежали ещё быстрее по дырочкам духовой трубки. Второй музыкант подхватил новую тему, улыбаясь и энергичнее стуча по натянутой коже. Рождалась почти что плясовая.

Не дав до конца родиться танцу, девушка опять сменила ритм и тональность. Теперь в их музыке звучала грустная нотка. Услышав такую, люди не плачут, но порой просто си-

дят дома, у растворённого окна и думают о чём-то своём.

Анн сам не заметил, как стал негромко подпевать этой мелодии. Его собственная внутренняя музыка, слившаяся с музыкой барабана и этого чудесного духового инструмента, вдруг вышла наружу и тоже зазвучала. Сначала негромко, потом всё заметнее. Люди рядом расступились, и вышло так, что Анн оказался в круге, рядом с музыкантами. Он пел не слова, потому что не мог знать никакой песни на эту мелодию, он пел самую мелодию.

Удивлённый отец поднялся со своего места и внимательно смотрел на Анна. Поражены были и музыканты, к счастью, не прекратившие играть. Девушка с каштановыми волосами осторожным переливом пустила в мир новую мелодию, но Анн не умолк. И как неуловим был её переход, так же неуловимо и он подстроился под неё, вошёл с нею в лад. Потом, правда, пару раз сбился, но барабанщик умело скрасил это своим инструментом, запустив басовитую дробь.

Анн умолк, когда понял, что... поёт и на него все смотрят. Он смутился и хотел куда-нибудь исчезнуть, но люди стояли тесным кругом. Музыканты подбежали к нему и в восторге начали хвалить и обнимать. Отец улыбался.

– Чей это мальчик? – спросил человек с барабаном.

– Я... я из Берёзового Дола, – сказал Анн. – Сын землемера.

– Не хочешь ли ты играть с нами, юный талант? Мы ходим из города в город, и везде нас принимают с лаской и доверием. Если ты один, если у тебя нет семьи и не о ком заботиться, как и некому заботиться о тебе, то мы с радостью примем тебя в нашу группу.

– Это мой сын, – сказал отец Анна, выступая вперёд. Музыканты покачали головами.

– Мы видим по Вашей одежде, господин, что Вы человек не простой, поэтому простите нас за дерзость. Мы предложили Вашему сыну выступить с нами, и будьте уверены: его ждал бы успех у любой публики! Его голос очень красив. Но теперь, конечно, мы понимаем, что такие выступления – не его призвание.

– Я ещё не думал, кем он станет, – отвечал отец спокойно. – Однако вы правы, ему не годится выступать за деньги.

Собравшиеся встретили эти слова негромким гулом, в котором поровну были скрыты и недовольство, и уважение.

– Я благодарю вас, уважаемые музыканты, за то, что открыли мне этот талант сына. Я не догадывался о нём.

– Он, кажется, и сам не догадывался, – засмеялась девушка с каштановыми волосами. – Ведь так?

Анн смущённо молчал.

В этот момент дверь в трактир распахнулась, и посыльный графа возгласил приглашение отцу предстать перед сеньором.

Глава пятая. На аудиенции у римонского графа-наместника

Граф-наместник принял их в небольшой комнате на втором этаже, по-видимому, предназначенной для таких случаев. Они прошли туда через двор, заполненный разными людьми. Кто-то хлопотал по хозяйству, тащил корзины со съестными припасами, связки хвороста, свёртки, ткани... Другие люди просто прогуливались, не обнаруживая видимой заботы. Анн не знал ни ритуалов, ни символов – вообще ничего, что касалось замковой жизни, поэтому старался держаться скромно, по возможности – даже незаметно. Однако победить свою любознательность он был не в силах, поэтому взгляд его перебегал с одного предмета на другой, словно бы он был художником и старался прочно запечатлеть увиденное в своей памяти.

С особенным интересом он рассматривал батальные сцены, нарисованные прямо на стенной штукатурке. Геральдические знаки он не умел читать, а потому и понять, кто с кем сражается, не мог, но всё равно было интересно.

Граф сидел в конце помещения за простым деревянным столом, на котором лежали разнообразные прошения и записки, в настоящий момент он как раз читал одну из бумаг и делал в ней пометки. Когда он поднял глаза, отец и Анн поклонились, ожидая приглашения приблизиться и говорить.

Секретарь графа протянул ему лист. Анн узнал в нём тот, что отец сворачивал и перевязывал синей лентой. Наместник быстро прочитал написанное и спросил:

– Вы уверены в том, что сообщаете? И можете подтвердить это под присягой? Почему Вы обратились напрямую ко мне, а не к старосте вашей деревни?

– Потому что я боюсь за сына, досточтимый граф. До того, как мы покинули Берёзовый Дол, стригес появлялся уже дважды. Если бы я обратился к старосте, то он созвал бы сход, на сходе поднялась паника, и принятие решения лишь затянулось бы.

– Почему Вы уверены, что это был стригес? Их никто не видел вот уже более сотни лет.

– Но ведь никто и не видел их последнего разорённого гнезда. В моём «Бестиарии», досточтимый граф, приводятся сведения о характере и привычках этой коварной твари.

Отец вытащил из внутреннего кармана книгу с закладкой и открыл на главе о ночном демоне.

– Не беспокойтесь, – сказал граф, – у меня имеется такой же справочник. Мой секретарь пошёл за ним.

Анну вдруг показалось, что граф-наместник во время беседы как-то пристально смотрит на него, хотя всё время говорил отец. Словно бы граф пытался что-то вспомнить. И эта задержка с секретарём явно была умышленной. Анн не осмеливался встретиться с графом взглядом и стоял, опустив глаза, но всё-таки почти физически ощущал внимание к себе.

– Чем занимается Ваш сын? – спросил вдруг наместник. – Он понимает грамоте? Вы учили его науке чисел и размеров?

– Он знает всё, что положено знать мальчикам его возраста, – отвечал отец после еле заметной паузы.

– Крестьянским мальчикам? Вы ведь стоите выше их по своему положению, входите в гильдию.

– Да, досточтимый граф, – поклонился отец, – он знает несколько больше, чем остальные.

– И он собирается продолжить Ваше дело? Он будет землемером?

– Он выказывал такое желание.

Ответ прозвучал довольно неопределённо, но, казалось, удовлетворил спрашивавшего.

Секретарь принёс книгу, точь-в-точь такую, какая была у отца.

– И Вы считаете, что стригеса возможно заманить в ловушку и убить?

– Да, досточтимый граф.

– Соглашусь с Вами, это был бы великолепный подарок Их Величеству. Местные кожевенные мастера могли бы изготовить впечатляющее чучело.

Между графом-наместником и отцом Анна случилась быстротечная игра взглядов. Анн тем временем задумался, их так быстро пустили в замок. Ведь они были далеко не первыми в очереди просителей. Неужели причиной стала страсть дворян к военным забавам? Победить невиданное

чудовище, за которым совершенно не требуется ехать в дальние края, – что могло быть интереснее?

Для кого-то это станет охотой, забавой, а для кого-то вопросом жизни или смерти, ещё подумал он. Как там Нель? И как её маленькие сёстры? Не напал ли стригес и на них? Откуда он вообще взялся? И почему прилетел в их Берёзовый Дол?

Анн представил стригеса в виде чучела. Он понимал отца: приманка для тщеславия была великолепной. Тот, кто убьёт крылатого зверя и покажет всему королевству, прославится на века. И книги станут писать не о самом стригесе, а о его победителе.

Наконец граф прервал затянувшееся молчание.

– Ваша просьба показалась мне оправданной, – сказал он сухо. – Я принял решение, соответствующее моим обязанностям наместника Их Величества на здешних землях. Сегодня вам будет выделено сопровождение, с которым вы вернётесь в Берёзовый Дол.

– Благодарим досточтимого графа! – отец снова поклонился.

– С вами поедут не солдаты, и не дворяне, а два моих егеря. Они опытны в искусстве охоты и устройении засад на крупного зверя. Они прошли хорошую школу войны и не испугаются самого чёрного демона, если тому будет угодно встать у них на пути. Наконец, два человека не спугнут стригеса, как это может сделать войско, разместившееся

на постой в деревне.

Отец кивнул, соглашаясь с этими разумными словами.

– В какой гостинице вы остановились?

– В «Приюте путника», досточтимый граф.

– Ступайте туда и ждите.

Граф взял со стола очередную бумагу и более не смотрел на них. Секретарь сделал знак, подсказывая, что аудиенция кончилась. Отец и Анн вышли из комнаты и двинулись к выходу, их сопровождал слуга, следивший, чтобы они не заблудились.

Обратно их провели другим путём. Они вышли в крытую галерею, тянувшуюся вдоль замковой стены, и уже оттуда спустились прямо во двор. Так было заведено, вероятно, для того, чтобы просители, соперничавшие друг с другом, не встречались и не устраивали безобразных ссор перед лицом высокого синьора.

В галерее двое солдат несли караульную службу. Через бойницы было хорошо видно кипящую у подножия замка жизнь. В другую сторону открывалась панорама степной равнины за рекой. Архитектор устроил всё очень разумно. Наместник мог заблаговременно подготовить город к отражению вражеского набега из чужих краёв, хотя таковых не было вот уже более сотни лет, и мог вовремя распознать признаки городского бунта. Впрочем, и бунтов давно уже не случалось. Караул по стенам всегда ходил исправно, и горожанам такая демонстрация силы и власти была по душе. Твёрдая

рука во все времена внушает уважение.

Спускаясь по неширокой каменной лестнице без перил, Анн и отец увидели во дворе музыкантов. Они готовились выступить перед кастеляном замка. Тот стоял на небольшом возвышении и о чём-то расспрашивал лысого барабанщика. Барабанщик кивал и переглядывался с девушкой с каштановыми волосами. Потом они стали демонстрировать своё умение.

В этот раз они играли в основном плясовые мелодии. Получалось у них замечательно. Каменщики, занимавшиеся в углу двора ремонтом водостока, бросили тяжёлые молотки и подошли ближе. То же самое сделали и прачки, державшие корзины с выстиранным бельём, и свободные от службы солдаты, и посыльные мальчики...

– А знаете ли вы нурсийскую балладу о трёх девицах, зачарованных волшебником Синего озера и сделавшихся его рабынями? – спрашивал кастелян.

– Конечно, – отвечали музыканты, наигрывая знакомый мотив.

– А знаете ли вы, чем можно занять благородное общество, когда разговоры становятся излишне горячими? – спрашивал кастелян.

– Возможно, вот эта мелодия остудит их сердца и сотворит с ними необходимое превращение. Вместо ссоры они решат пригласить благородных дам на тур эстампиоля, – и тут же звучало сопровождение к разного рода «змейкам»,

«линиям» и «шагам».

– А знаете ли вы, чем развлечь всех остальных, когда благородные господа решат, что достаточно слушали и танцевали? – продолжал свой строгий допрос кастелян.

– Конечно, – отвечали музыканты, – ведь мы играем не только в замках, но и в тавернах, и на городских площадях.

– А «раунд», играете ли вы «раунд»? – крикнул с галереи один из солдат. – В моей деревне его любят.

– Он имеет в виду «рондо», – пояснил кастелян, – этот солдат из западных земель, у него немного необычное произношение.

Тогда музыканты, не отвечая спрашивавшему, быстро высчитали такт и заиграли «раунд». Знавшие этот танец схватили друг друга за руки и закружились в стремительном хороводе посреди двора.

– Достаточно, – сказал кастелян. – Вы получите за ваше искусство кров, ужин и две золотые монеты после выступления. Плата распространяется только на выступление перед графом-наместником и его гостями. Перед остальными вы выступите в свободное время, и ваша награда будет зависеть от щедрости публики и вашего старания. То, чем благородные гости решат – возможно – вознаградить вас по своей воле, также будет вашим.

– Мы согласны, господин, – сказал лысый барабанщик. – Это хорошие условия, мы не подведём.

– Да уж, а потом постарайтесь для нас! – крикнул с галереи всё тот же солдат. – Эх, давненько не плясал я под родные мелодии!

– Вам отведут комнатку для отдыха и ваших инструментов...

Что было дальше, Анн не видел. Они вышли из замка и отправились в «Приют путника» ждать графских егерей. По пути отец собирался ещё купить на городском рынке несколько отрезов ткани для верхней одежды и кое-какие подарки сына и жены.

Глава шестая. Жизнь в большом мире

– А когда придут егеря? – спросил Анн, вышагивая рядом с отцом по улицам Римона. – Их можно поторопить?

– Поторопить их? – засмеялся тот. – Я очень надеюсь, что граф не отложит всё в долгий ящик.

– Они будут жить у нас?

– Возможно, староста разместит их у себя. Или же они займут наш сарай. А может, вообще поступят по своему разумению. Мы ведь не знаем, как они собираются охотиться на крылатое чудовище, где станут подстерегать его, в какое время...

– Наверное, это интересное занятие – быть егерем. Егеря ведь отличается от наших охотников, да?

– Да, егеря совсем другие. Наши умеют брать только мирного зверя. А графские люди выходят и на кабанов, и на медведей, и даже вот на таких чудищ.

– А почему Матео, наш лучший, не может справиться со стригесом? Или с медведем? А если ему помогут другие охотники?

– Нет, он не справится, – покачал головой отец. – Я думаю, здесь требуется именно воинское искусство. Отсутствие страха получить рану. Умение идти к цели, невзирая на опасность смерти. Умение умереть, наконец, за своего

синьора. Разве Матео будет рисковать жизнью ради того, чтобы непременно убить стригеса? Он согласится отпугнуть его, но не станет преследовать, если ранит, потому что стригес и раненый будет опасен. Наконец, он вряд ли представляет себе, *что такое* это чудовище. И когда увидит впервые, то непременно испытает страх. А графские воины-егеря в первую очередь служат, а не охотятся ради пропитания. Граф-наместник отдаст им приказ убить стригеса, и они станут преследовать его до тех пор, пока не убьют.

Анн задумался. Он попытался представить себе эту службу, на которой человек лишался собственной воли и свободы и превращался в бессловесного исполнителя чужих приказов. Знали ли егеря до сегодняшнего дня о существовании чудовища? Что они испытают в душе, когда им прикажут следовать в Берёзовый Дол и там начать охоту на него? Будет ли это для них опасной работой или забавным приключением, о котором позже станут хвастливо рассказывать в тавернах? Наконец, смог бы он сам нести такую службу?

Так, погружённый в себя, он шёл некоторое время рядом с отцом, пока город с его невиданными чудесами, шумом огромного количества людей, яркими вывесками и диковинными нарядами встречных не завладел вновь его вниманием.

Отец, как и хотел, заглянул на рынок кожевенников. Там они присмотрели и купили Анну замечательные сапоги на вырост, чтобы ходить в них осенью, когда погода испортится, зарядят долгие серые дожди и земля насытится вла-

гой. Для матери Анна отец купил на другом рынке тёплую шаль из козьей шерсти – всё на ту же долгую осень. Шаль была светлой, с красивым рисунком. Она непременно понравится ей, подумал Анн.

– А здесь есть воры? – вдруг спросил Анн.

Он смотрел на человеческую толчею, на то, как продавцы размахивали руками и как в ответ жестикулировали покупатели, как они передавали друг другу товар, примеряя его к себе, отказываясь, вновь примеряя, возвращая или же складывая, наконец, в свои сумки и котомки. Кто-то из деревенских мальчишек рассказывал, что городские воры очень искусны и могут в один миг обчистить твои карманы, если зазеваешься. А уж срезать кошелёк с пояса – для них раз плюнуть. И вот Анн невольно искал глазами этих лихих людей, опасаясь их заранее.

Отец засмеялся и с гордостью отвечал:

– Нет, в Римоне давно уже нет уличных воров. Когда-то – были, но нынешний граф-наместник отличается твёрдой рукой и, надо признать, изрядной жестокостью. Тот, кто укажет или донесёт на вора, в случае подтверждения получает половину украденного. Самого вора публично вешают, предварительно отрубив руку. А тех, кто укрывал его или жил с ним и не донёс, отправляют на рудники.

– Даже его родственников? – удивился Анн. – Ведь им было бы невозможно донести на своего брата, или сына, или отца!

– Да, даже их. Поэтому воруют только те, у кого совсем нет близких, а таких намного легче ловить, потому что им никто не помогает. Воры здесь почти всегда чужаки, из других мест, не знающие ещё римонских порядков.

Анн вспомнил сухой голос графа-наместника, его колючие глаза и подумал, что отец ничуть не преувеличивает. Такой человек действительно мог установить в городе суровые порядки. И теперь Анн начал понимать, почему отец надеялся на то, что егеря графа смогут убить стригеса. Если они такие же, как их начальник, то всё зависело только от времени. Рано или поздно крылатое чудовище повезут в виде чучела в королевский дворец.

Егеря появились в гостинице ближе к вечеру.

Это были статные люди среднего возраста, небольшие аккуратные бороды их слегка посеребрила седина. Они прискакали верхом, ведя в поводу по запасной лошади. Вторая лошадь каждого несла на себе внушительные седельные сумки. Егеря уложили туда лёгкие доспехи (на случай, если придётся схватиться со стригесом, что называется, в рукопашную), прочные верёвки, разного рода капканы... К сёдлам приторочили длинные прочные пики и боевые арбалеты, арканы и небольшие круглые щиты... Выглядело всё как маленькая, но настоящая военная экспедиция.

Егеря были одеты довольно просто. Удобные сапоги, штаны, в которых запросто можно продираться даже сквозь колючие заросли терновника, не боясь исцарапаться или за-

стрять, кожаные куртки. На поясе у каждого висел меч и короткий кинжал.

Вместе с ними приехал и невысокий мужчина, без оружия и без запасной лошади. Зато у него имелась загадочная сумка, в которой, как оказалось, лежали только бумаги, письменные принадлежности и какие-то грамоты.

– У них своя служба, – пояснил он, махнув рукой в сторону егерей, – а у меня своя. Ведь может статься, что и никакого стригеса нет.

– Как же нет, – опешил отец, – когда и следы его видели, и его самого?!

– Ну, положим, его самого видела только деревенская тётка, да и то – сошедшая с ума.

– А кто же тогда убил её ребёнка?

– Вот это я и буду узнавать. Может быть, стригес, а может – и какой тать, захотевший сыграть в него. Вот они будут охотиться за чудищем, а я за человеком. Друг другу мешать не станем.

– Да, иной раз человек бывает хуже чудищ, – согласился отец.

– Вы поэтому, господин землемер, не рассказывайте никому, кто я. Скажите, если спросят: мол, собрат по ремеслу проездом остановился, скоро дальше отправится. У меня вот и сумка почти такая же, как у Вас. Так-то оно вернее.

– Конечно, господин стражник.

– Артуриус, меня зовут Артуриус. А как Вас зовут, госпо-

дин Руай, я знаю, можете не представляться.

Они выехали из гостиницы в тот же день, под вечер. На этом настоял Артуриус.

– А зачем нам ждать? – сказал он. – Приедем утром, сразу за дело и примемся. Новости узнаем, с людьми поговорим. Иначе же только сутки потеряем. А мне совсем не хочется застрять надолго в вашей, простите, дыре.

– Но ведь ночная дорога опасна, – с сомнением произнёс

отец.

– Опасна для одинокого путника. А для пятерых, из которых четверо – взрослые вооружённые мужчины, она похожа на прогулку по цветущему саду. Прекрасные звёзды над головой, освежающая прохлада – что может быть лучше?

– Да, конечно.

Сборы в дорогу заняли немного времени.

Час спустя повозка, которую сопровождали трое всадников, выехала из городских ворот. Отец правил лошадкой, бежавшей так резво и весело, будто она понимала, что путь их лежит домой. Анн долго смотрел назад: на городские стены, на крыши домов, местами видневшиеся из-за них, на главную башню графского замка, высившуюся в стороне. Ему понравилось в городе, пришлось по душе вся его суматоха, шум, безостановочное движение людей туда-сюда. И вместе с тем он уже скучал по зелёным и золотым просторам Берёзового Дола, по чистому воздуху, по реке, по своим открытиям в Заячьем лесу, по Нель. «Как она там?» – думал мальчик, сидя в повозке. Наверное, родители теперь не выпускают детей без нужды из дому, и ей приходится сидеть взаперти вместо того, чтобы беззаботно бегать с подружками. Ах, эта напасть, свалившаяся на их деревню!

– Папа, а вдруг он прав? – спросил Анн, незаметно показывая на полицейского, едущего чуть позади.

– Нет, мне в такое не верится. У нас разные люди в деревне есть, но уж не такие, чтобы подобное сотворить.

– Да вот и мне тоже не верится. Значит, крылатый демон?

– Да, стригес. Я думаю, что он. Только бы он никого больше не убил! А уж эти бравые молодцы найдут на него управу.

Стражник каким-то шестым чувством определил, что они говорили о нём, и подъехал ближе.

– Позвольте полюбопытствовать, господин землемер, а чем вообще живёт ваше селение?

– У нас земледельцы преимущественно, господин Артуруис, пшеницу сеют и прочее. Ну... ещё кое-чем занимаются, ремёслами, рыбной ловлей...

– Вы не поняли меня, – сказал Артуруис. – В смысле духовном – чем люди живут? Какие праздники, обычаи и всё такое...

Отец призадумался.

– Кто в Берёзовом Доле заметно живёт, а кто от глаз чужих предпочитает прятать свою жизнь? Кто с кем враждует? Вот с мельником как: никто на мельника не обижался в последнее время?

– Я понимаю Вас, господин Артуруис. Да только не припоминается ничего такого. Я ведь сплетен не вынюхиваю...

– Экий Вы горячий, господин землемер! – замахал руками стражник. – До чего же люди странны! Прибежали вы за помощью и надеетесь, что получите её. И получаете! А сами оказать помощь не хотите, стыдитесь, что сболтнёте лишнего. А что можно сболтнуть, если хорошее рассказывать. Плохое порицать следует, исправлять. Хорошему радовать-

ся. Вы же согласны с этим?

– Согласен, – коротко отвечал отец, не добавляя больше ничего.

Артуриус внезапно удовлетворился таким ответом и сменил тему.

– Конечно, Вы же не родились в Берёзовом Доле, что знаете, то и знаете. А Ваш сын – он родился в здешних краях?

После паузы, вызванной тем, что отец потянул вожжи и заставил лошадку бежать по дороге чуть левее, подальше от колючих кустов, росших на обочине, он ответил утвердительно.

– Мальчишки всегда всё знают, – сказал Артуриус. – Везде лазают, всё смотрят, проверяют, пробуют на вкус...

– У моего сына мало друзей в деревне.

– Зависть к Вашему положению, достатку? Или что-то другое?

– Вот уж не могу сказать.

– Мне скучно с ними, – осмелился вмешаться в разговор Анн.

Артуриус живо поворотился в седле и посмотрел на него.

Анн поёжился, ощущая себя по неизвестной причине преступником.

– Почему же Вам скучно, мой юный господин? Вы не любите крестьян, крестьянский труд на земле?

– Совсем нет, – сказал робко Анн, – мне нравится, как пахнет земля, как шумят травы в полях...

– Поэтично, – хмыкнул Артуриус. – Кто бы мог подумать, что в деревне станут рождаться такие возвышенные души!

– Великий Корион родился в деревне, – сказал отец. – А какие у него стихи: до сих пор всё королевство поёт их на праздниках и декламирует под окнами у возлюбленных!

– Да, хороший пример. А ваш сын не говорил, кем он собирается стать? Он же ваш единственный сын? Тогда ему будет очень легко вступить в гильдию. Землемер, сын землемера. Хорошая профессия, требующая ответственности, честности, трудолюбия. Он ведь обладает этими качествами?

«Сегодня почему-то все спрашивают, кем я собираюсь стать, – подумал Анн. – Граф-наместник, теперь вот этот... Очень странно».

Разговор их прервался внезапно. Под повозкой что-то треснуло, её перекосило, и лошадка встала.

– На камень налетели, – с досадой сказал отец, спускаясь на землю. – Вот Вам и звёздное небо надо головой, господин Артуриус...

Глава седьмая. Ужасная встреча

Егеря развернули лошадей и подъехали к повозке.

– Что-то случилось? – спросил один из них.

Отец уже сидел на корточках и пытался на ощупь определить поломку.

– Поломка точно есть, – сказал он, – но без огня вряд ли что сделаешь.

– Не беда, – сказали егеря, – сейчас разведём костёр. А там подумаем, ночевать ли здесь или чиниться и ехать дальше.

Анну понравилось, что их спутники не устроили панику и суету. Они не стали выяснять, кто виноват, кто недосмотрел, чья идея была ехать ночью, а определили для себя задачу и настроились по возможности быстро решить её.

Анн отправился собирать сухую траву для костра. Бродил, спотыкаясь, по невидимым в темноте ямкам. Пока они ехали, глаза привыкли к свету звёзд, и большего не требовалось, но теперь впору было пожалеть, что человеческий глаз не обладает ночной зоркостью совы. При всей простоте конструкции в повозке отца имелось множество мелких винтиков, шпилек, хитроумно соединённых друг с другом деталей, которые сейчас требовалось рассмотреть.

– Что это за место? – спросил Артуриус, снова забравшись в седло и оглядываясь по сторонам.

– Курганы, – отвечал отец. – Видите, вон там чернеют

небольшие выпуклости? Если луна выберется из-за туч, сможете разглядеть их лучше. Мы недалеко уехали, наверное, лишь треть пути оставили за спиной.

Артуриусу никакого дела не было до курганов, но в настоящий момент он не знал, чем занять себя, а потому снова спросил:

– И зачем они здесь?

Анн услышал, как отец буркнул себе под нос, вылезая из-под повозки:

– Лучше бы спросил, кто в них...

Больше он ничего не успел сказать, потому что один из егерей ответил:

– Вилия тут похоронена.

И только Анн подумал, что сейчас он услышит интересную историю, как вновь заговорили о поломке. Её можно было исправить и малым ходом добраться до Берёзового Дола, только для этого отцу требовался помощник.

Вызвался один из егерей. Анн подумал: «На все руки мастера!» Ещё бы, они всегда надеялись только на себя, жили такой насыщенной жизнью, что становились со временем и плотниками, и каменщиками, и искусными лесорубами, и немного коновалами, и чуть-чуть знахарями...

Свет от костра падал на повреждённое колесо. Отец достал инструмент и что-то объяснял егерю. Лошадей стреножили и отпустили на траву рядом с дорогой. Артуриус о чём-то размышлял, погружившись в свои мысли, а второй егерь

сказал Анну:

– Небось, охота было услышать про Вилию-то? Я в твои годы любил такие сказки слушать. Пойдём, расскажу.

Он обнял мальчика за плечи, и они пошли по направлению к темнеющим курганам, до которых было не больше сотни шагов.

– Вилия – это королева такая? – спросил Анн.

– Угадал. Песни ведь про королеву да про героев слагают. Только я петь не умею, буду словами рассказывать.

В общем, жила некогда в Степи чудесная девушка, красоты необыкновенной. Отцом её был предводитель кочевников, Артак-хан...

– В той степи? – перебил егеря Анн, показав на восток, где за Римоном, за Чёрной рекой уходили в невообразимую даль луга.

– Да, именно в той. Тогда ещё были здесь совсем дикие места. Ни городов, ни деревушек, ни речных пристаней. Только дикие звери пробегали да лихие люди проскакивали.

На всю степь звенела слава о красоте дочери Артак-хана. Отец гордился ею и искал для Вилии достойного жениха...

– Наверное, это очень трудно, – сказал Анн. – В легендах всегда рассказывается о подвигах, которые требуют от женихов.

Егерь расхохотался.

– Ну, не совсем в том дело, чтобы женихи высоко прыгали и быстро бегали! Артак-хану хотелось, чтобы жених был

действительно достоин его дочери, а не позарился бы на её красоту и на богатое приданое.

– Чтобы любил её?

– Можно и так сказать, – согласился егерь и продолжил...

И вот тогда хан взял с собой дочь Вилию и отправился к степной колдунье. Мол, пусть та исполнит свои колдовские обряды и откроет им будущее.

Они ехали к шатру колдуньи три дня и три ночи, а когда добрались, то Артак-хан принёс старой женщине богатые дары и просил о милости. Он был правителем и разговаривал с людьми, а она была человеком, но умела разговаривать с духами и богами.

Колдунья посмотрела на Вилию, взяла её за руку и увела в свой шатёр.

И ещё три дня и три ночи ждал Артак-хан. В конце третьих суток боги открыли колдунье, что земная жизнь дочери всемогущего правителя скоро кончится. Это поразило его, словно степной молнией.

«Как же так?! – вскричал хан. – Чем прогневало богов моё дитя? Что плохого она совершила, чтобы так рано оборвалась нить её бытия?»

Колдунья честно передала ему то, что узнала: Вилия слишком красива для земных людей. Из-за неё в самом скором времени вспыхнут две кровавых войны, в которых сойдутся сначала Степь со Степью, а затем Степь с пришлым властителем, который тоже прослышал о дочери Артак-хана

и решил заполучить её в наложницы. Множество людей будет убивать друг друга, не зная истинной причины войны, а Вилия всё равно не сможет обрести себе достойного мужа, красота же её так и останется бесплодной. У неё не будет ни мужа, ни сына, ни дочери.

И колдунья ещё рассказала ему, что боги не хотят, чтобы людей стало меньше. Ведь жертвы, которые люди им приносят, сделаются менее обильными. По этой причине уже послан гонец в мире богов к Тому, Кто Прядёт Нити Человеческих Жизней, и вот-вот его Золотые Ножницы перережут нить жизни Вилии.

В тот момент, когда на горизонте показались родные шатры ханской ставки, Вилия умерла. Ничто не предвещало роковой минуты. Она взглянула на знакомые места, произнесла два слова: «Как хорошо!» – и глаза её закрылись.

Великий властитель степи Артак-хан погрузился в великое горе, но решил, что его дочь должна и после смерти быть лучшей. Такого пышного погребения ещё не видели. Дочь хана получила в дорогу, ведущую в тёмное царство, и многих спутниц, и лошадей, и богатые подарки для духов смерти...

– Это здесь они лежат? – спросил Анн, испытывая вдруг пронизывающее чувство холода и ужаса.

– Да, – отвечал егерь, – в этих курганах. Только никто не знает, кто в каком. Были отчаянные смельчаки когда-то, которые слетались в эти края с мыслью о добыче. Торопились, раскапывали первый попавшийся холм, но вместо зо-

лота находили что-то невообразимое. Одни, например, нашли лошадиный череп. Выбросили его, а на следующую ночь все их лошади взбесились, порвали путы и умчались прочь. А без лошади в степи человек – не человек, а добыча степняков... А другие только начали разрывать землю, как вдруг из глубины холма поднялась на серебряной колеснице красавица – с распущенными волосами, в богатейшем платье, в головном уборе с драгоценными камнями... Пролетела мимо них и скрылась за рекой. Сколько потом ни копали, ничего не нашли.

– Это сама Вилия была?! – ахнул Анн.

– Вот уж не скажу, она или нет, но обходят эти курганы с тех пор стороной. Ты сам видел, что тут дорога крюк делает.

Анн потрясённо молчал.

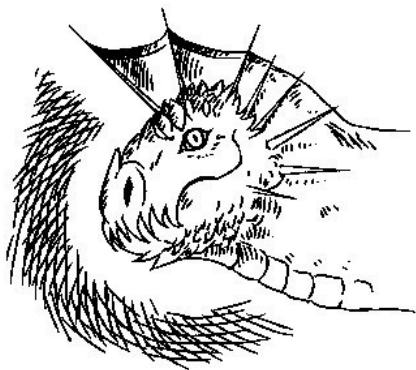
– Не забивай парню голову! – донеслось до них от повозки. – Иди лучше сюда, помощь требуется! Скоро поедем!

Егерь направился к костру, а мальчик остался на месте.

Над ним было звёздное небо, огромное, бесконечное. Анн поднялся на холм и глубоко вдохнул ночной воздух. Захотелось раскинуть руки и полететь. Он просто смотрел в небо, и всё уходило, исчезало, стиралось. Оставались только он и тёмно-синий звёздный шатёр вокруг.

Анн простоял так, казалось, вечность. А когда повернулся, чтобы идти назад, к повозке и костру, то встретился глазами с ночным демоном. Стригес сидел в нескольких шагах

от него, сложив крылья, и чего-то ждал.

Он не был страшен. Картинка в справочнике лгала. Великий Белшез нарисовал кого-то другого. Или же ему самому наврали, описывая стригеса. Он не был страшен – он был смертельно опасен. «Как жаль, что этого никто не узнает, кроме меня», – подумал Анн.

Мальчик и крылатый демон были хорошо видны, выделяясь тёмными силуэтами на фоне посветлевшего неба. Как раз появилась луна. Она заливала местность мертвенным ртутным светом.

Анн не видел, как отец беззвучно простирал руки в его

сторону, как егеря судорожно пытались то натянуть на себя доспехи, то схватить боевые арбалеты и взвести их, как метался взад и вперёд стражник. Анн смотрел в глаза стригесу, а демон медленно подбирался к нему, гипнотизируя пристальным взглядом.

«Почему он не рванётся и не убьёт меня быстро?» – думал Анн.

Самое странное, что он не хотел бежать. Откуда-то изнутри пришло понимание, что не успеет. Стригесу достаточно сделать один прыжок, один взмах крыльями, и... Так зачем? Не лучше ли умереть достойно, не показывая страха. Тем более, что демон был по-своему красив. Под тёмной кожей перекачивались мускулы, и даже медленное, почти змеиное движение его было исполнено леденящей грации. «Вот откуда холод, который я чувствовал, – подумал Анн, – он давно следил за нами, давно был рядом...»

Стригес приблизился к нему на расстояние вытянутой руки.

Мужчины от повозки уже бежали к мальчику, отчаянно размахивая оружием, а стригес, казалось, забавлялся. Он раскрыл пасть и издал свистящий звук, высокий и протяжный. Все другие звуки вокруг умерли в один миг. Исчезли птицы, ночные зверьки в траве, ветер... Не осталось ничего, кроме высокого и холодного звука. «Тот, кто нарисован в книге Белшеза, мог бы только рычать, реветь...» – подумал Анн.

Стригес придвинулся ещё ближе, его крылья вздрогнули, а лапы напряглись, готовые метнуть могучее тело вперёд.

В это мгновение Анн посмотрел в глаза демону и ответил таким же свистящим звуком.

Стригес вздрогнул. Изумление ли пролегло тенью на его страшной морде или что-то другое, но расстояние между ними осталось прежним. Анн повторил тот звук. Потом добавил к нему другой, ниже. И ещё ниже.

Он видел раскрытую пасть чудовища, видел острые зубы в ней, видел раздувающиеся ноздри, холодные глаза. Видел, как пасть всё-таки приблизилась к его лицу... Видел, как подбегает отец, за ним егерь, тот самый, что рассказывал легенду. Затем стригес взмахнул крыльями, и – Анн потерял сознание.

...Очнувшись, Анн удивился тому, что жив.

Пошатываясь, он пошёл к повозке, освещаемой пламенем костра. Едва не упал, споткнувшись. Выпрямился, но тут же замер на месте. Здесь лежал его отец. Грудь его была распорота взмахом страшных когтей. Чуть дальше лежал егерь, сжимавший в руке бесполезный меч. Он тоже был, кажется, мёртв.

У повозки никого не было.

Анн зарыдал и побежал по дороге...

Глава восьмая. Трудное время

– Анн, как успехи? – спросила мать. – Всё сделал, что хотел?

– Да, мама. Трудновато, но я стараюсь.

Анн отложил в сторону книгу и посмотрел в окно. Хотелось забыть всё и побегать на улице, но он поставил перед собой цель и теперь настойчиво шёл к ней. Он надеялся сдать экзамен в гильдию землемеров, чтобы его взяли туда подмастерьем, а потом, через несколько лет, он мог бы сам стать землемером, как его погибший отец. Это было данью памяти о нём. И ещё это было вопросом выживания. Пока отец заботился о них, они не знали нужды. Их семья не считалась такой богатой, как, например, мельникова, но искусство землемера всегда было востребовано и приносило постоянный доход. За долгие годы отцу удалось сделать кое-какие сбережения, вот на них Анн с матерью и жили теперь. Мать иногда получала возможность заработать несколько монет, стирая чужое бельё или присматривая за чужими детьми. Ещё они продавали лесные ягоды, грибы, которые собирал Анн. Однако, заглядывая в будущее, оба понимали, что сбережения рано или поздно кончатся, а ягодами и грибами долго не проживёшь.

И Анн открыл шкаф с отцовскими книгами. Вытащил первую, вторую, третью – те самые, в которых он ничего

не понимал когда-то. Выбрал из них самые «простые» и стал читать, надеясь, что разберётся и в остальных.

Анн знал, что на экзамене в гильдии у него будет только одна попытка. Ещё пару лет сына землемера Руайя, пожалуй, будут помнить – и из уважения к памяти покойного согласятся выслушать его, согласятся посмотреть на его умения. Если он провалится, второй попытки ему не дадут. Служить в гильдии, расчерчивать крестьянские участки и участки лордов, составлять на них грамоты и заверять их будет кто-нибудь другой.

А ещё он сидел дома, потому что...

Анна стали сторониться в их деревне.

Однажды он проходил по улице и увидел знакомых ребят, игравших в «кости-бросалки». Кто-нибудь зажимал в кулаке несколько тонких косточек, а потом, подержав их несколько мгновений, разжимал хватку и бросал кучку на стол или на любую ровную поверхность. Косточки рассыпались – и надо было их собрать, осторожно поднимая по одной, так, чтобы остальные не шевельнулись, не дрогнули. У Анна великолепно получалось играть в «кости-бросалки», это была одна из его любимых игр. Он подошёл к игравшим, но те вдруг смолкли и некоторое время играли молча, без особенной охоты, а потом и вообще разошлись под выдуманном предлогом.

А ещё он вдруг заметил, что его не зовут вместе купаться на речке, не зовут, как раньше, вместе гулять по разным ин-

тересным местам. Он сделался изгоем. Мама говорила, что таковы и есть люди: пока ты или твой родственник (отец) занимает интересное место в жизни, дружбою с тобой всегда надеются воспользоваться. Когда же обстоятельства меняются, то почти всегда умирает и такая «дружба». И это было грустно.

Анн общался по-прежнему только с Нель. Всё так же делился с ней планами, болтал вечерами о всяких милых пустяках. Однако и она вынужденно вела двойную жизнь. В один день, например, не отходила от Анна, а следующий – проводила в весёлой компании деревенских девушек, уже начинавших мечтать о «милом-суженом». Анна обижало не то, что она была с другими, а то, что никогда не звала его с собой, словно бы зная, что он для тех – чужой.

– Почему вы все сторонитесь меня? – однажды прямо спросил Анн.

– Что ты!?! – смутилась Нель. – Ты глупости говоришь.

– Разве ты не видишь, что я постоянно один?

– Да ведь ты никогда особенно и не дружил ни с младшим сыном мельника, ни с трактирщиковыми детьми, ни с братиками Люнн, ни с моими двоюродными сёстрами! Чему же ты удивляешься?

– Ну да, – опустил голову Анн, – нечему мне удивляться...

Нель стало очень жалко его.

– Ты знаешь, – сказала она, решившись, – они такое рассказывают о тебе! Только я не верю.

Анн смотрел на неё.

– Они говорят... ну, в общем, что ты привлекаешь зло.

– Но почему?! – воскликнул Анн. – Что плохого я сделал и кому?

– Никто не понимает, – сказала Нель, – почему тебя не тронул стригес.

– Значит, если бы я погиб тогда, было бы лучше...

– Совсем не лучше!

Анн не помнил, как оказался дома в ту роковую ночь. Пришёл в себя он спустя несколько дней. За это время успели и похоронить погибших, и провести полицейское расследование. Артуриус остался в живых, как и второй егерь. Они видели, как стригес взвился в воздух, на лету ударил своими когтями отца, затем так же на лету рванул страшными зубами егеря и исчез в ночном небе. Артуриус и второй егерь забились под повозку и сидели там до рассвета. Рассказывали, разумеется, что сразу же побежали за помощью, но матери Анна плохо верилось в это. В Берёзовом Доле люди графа-наместника появились далеко не сразу. Анн как раз лежал в постели, получив нервную горячку и не узнавая никого вокруг, толку от него было мало. Артуриус уже не думал, будто какой-то злоумышленник-человек повинен в смертях. Он для порядка опросил жителей деревни и тут же уехал, подальше от страшных мест. А вся история начала обрастать новыми и всё более красочными подробностями.

Главным же для односельчан стал простой вопрос: почему

стригес не тронул мальчика?

Никто не понимал этого. Если бы Анн уцелел благодаря чуду, то все радостно поверили бы в чудо. Например, если бы разверзлось небо и в чудовище ударила божественная молния. Если бы он получил многочисленные раны или лишился бы руки или ноги, то все жалели бы его, упиваясь собственным добросердечием. А счастливое избавление от неминуемой смерти приводило в замешательство.

– А почему крылатый демон после этого улетел и больше не показывался ни в Берёзовом Доле, ни у соседей?

Это спросил рыжий Клюни, живший через два дома от Анна и его матери.

– Неужели мальчишка договорился с ним?

Вот это «договорился» и засело у всех в сознании. Выходит, землемеров мальчишка той же крови, что и ночная нечисть? Кошки понимают кошек, собаки – собак, а чудовище именно с Анном общалось на одном языке. К слову припомнили, что Анн раньше легко приваживал к себе тех же кошек.

– Вот вырастет, силы наберётся – и превратится сам в стригеса! – пугали друг друга особенно умные головы. – Этот стригес ему слово ворожейное шепнул. Придёт срок, слово вспомнится, человек в чудовище превратится!

– Эх, сынок, сынок, – плакала временами мать, – бояться тебя. Этот страх крепкий, его не забудешь просто так.

– Вырасту и уеду, – упрямо говорил Анн, морща лоб. –

И тебя заберу с собой.

– Да боюсь я, что нас ещё раньше отсюда выживут.

И мать сидела и думала непрерывно о том, что ей делать. Уезжать, проситься к родственникам в дальних краях в помощники-нахлебники? А как тогда сыну сдавать экзамен на землемера? Остаться в Берёзовом Доле? Тогда как прожить до того, как Анн сделается землемером? Ведь даже её родной брат, дядя Анна, стал заметно сторониться их.

Тянулись дни и месяцы...

Жили они очень скромно. Мать подрабатывала, Анн помогал ей, как мог. И ещё он часто гулял по лесам вокруг деревни. Однажды кто-то из деревенских увидел его, на закате шедшего в сторону Бобровых Ручьёв. Тут же растрезвонил всем, что землемеров мальчишка в ночных лесах с нечистью якшается. Впрочем, Анну теперь было всё равно.

Иногда с ним гуляла Нель. Анн рассказывал ей о деревьях, скромных лесных цветах, о звуках, издаваемых пробирающимся вдали зверем, большим или малым. Часто Нель ахала, замирая от смешанного ощущения любопытства и ужаса. Анн, словно бы в шутку, шептал ей: «Тише теперь, замри! Вон там, в кустах, медведь спит. Обьелся малины и улёгся там же, где ел». – «Медведь...» – делала огромные глаза Нель и тянула его за руку, чтобы побыстрее сбежать с того места. А был ли там медведь на самом деле, кто же знал!

Правда, Нель не всегда могла пойти с ним.

Её мать часто выговаривала дочери: «Ты ведь уже девуш-

ка почти на выданье, должна думать о себе и о своём будущем. Что люди скажут об этих ваших гуляниях?!»

– А что они могут сказать? – огрызнулась Нель. – Он мне только хорошие вещи показывает. Он настоящий друг.

– Вот друг-то он друг, да только тебе замуж выходить. А кто же тебя возьмёт, коль ты, как дикарка, по лесам шатаешься?

И Нель оставалась дома. К тому же у неё действительно завелись поклонники. Анн видел, как её с деревенских вечеринок провожал до дома то один, то другой. От этих поклонников были одни неприятности. Однажды кто-то изрезал ножом его рыболовную сеть, поставленную на реке в хорошем месте. Высмотрели место и испортили. В другой раз им во двор кинули дохлую кошку. Привязали к ней бумажку, на которой написали: «Поговори с ней, ублюдок!»

Мать увидела и побледнела, но ничего не сказала.

– Это плохое слово, я знаю, – сказал Анн, – но ты не переживай, я научился не обращать внимания на плохие слова.

Мать помолчала и ответила:

– Да, на плохие слова не надо обращать внимания. Сожги записку, так лучше будет.

Впрочем, выдавались и дни, когда Анн жил и радовался жизни, забывая все неурядицы и огорчения. В один из таких дней он встретил в лесу забавного старичка, о котором потом долго вспоминал.

Он вышел из дому ранним утром, захватив с собой только

дорожный посох и немного хлеба и воды. С помощью посоха Анн наловчился преодолевать неширокие водные преграды, не замочив ног. Он разбежался, опирался на свой посох и буквально перелетал на другой берег. С посохом он не боялся ходить и через заболоченные места. В общем, штука была очень полезная.

Анн миновал знакомые места бобровых хаток и стал пробираться дальше. Бобровый Ручей делался всё уже и уже, попадались то прогалины чистого берега, то буйные заросли папоротника и крапивы. Анн уже не перепрыгивал с камешка на камешек, ему приходилось перелезть через поваленные деревья с гнилыми, трухлявыми от влаги сучьями и оползающей корой. Да и дневная жара начинала допекать ему, грозя превратить увлекательное путешествие в сущее мученье.

Чтобы развлечь себя, Анн стал придумывать необычные образы вокруг себя. Нель очень нравилось, когда он так фантазировал. «Вот, смотри, – говорил он ей, показывая на какого-нибудь жука, прилетевшего к ним во двор. – Это разведчик Чёрной армии. Он исполняет поручение Злого Властелина». Потом прилетала птица и склёвывала разведчика. Внимательно смотрела на них глазом-бусинкой и улетала. «На самом деле, это не птица, а добрый волшебник, – говорил он Нель, – просто он сейчас заколдовался».

«У тебя странная фантазия, – смеялась Нель. – Ребята не понимают её. Говорят, что ты придумываешь ерунду».

Анн почти обиделся на Нель тогда. Как она могла пересказывать им его истории?! Ведь это были истории не для всех.

Сейчас, когда он искал исток Бобрового Ручья, ему представлялось настоящее путешествие в дальние края. Ручей был полноводной рекой, а невысокие склоны – скалистым ущельем, за каждым деревом скрывались неведомые звери, а впереди лежал затерянный город с сокровищами. Его следовало найти и, может быть, – даже переселиться туда.

Анн не сразу понял, что добрался до цели. Ленточка воды совершенно истончилась у лесного пригорка. В земляной стене обнаружилось небольшое отверстие, из которого выбежала прозрачная влага. Она собиралась в маленькое, на полшага, болотце-копытце, кружилась в водовороте и отправлялась дальше вниз, становясь уже где-то там знакомым Бобровым Ручьём.

А наверху, на этом пригорке, сидел какой-то старичок и с улыбкой смотрел на вылезшего из лесных дебрей странника.

Анн поклонился и поздоровался. Старичок немного удивлённо поднял брови и тоже ответил приветствием.

– Это исток, – сказал Анн. – Я искал его.

– Как удивительно, – произнёс старичок, – редко кто из людей ищет истоки.

– А Вы его уже нашли.

– Я нашёл другой исток.

Теперь уже удивился Анн.

– Но ведь Вы пришли сюда же, просто немного раньше. И нашли то же самое место, что и я. Это один исток одного и того же ручья.

– Я пришёл сюда по другой тропинке, – не согласился старичок. – И поэтому я нашёл другой ручей.

– Вы хотите сказать, что мой ручей был там, а Ваш здесь? Но зачем мы будем его делить?

– Действительно, не будем, – сказал старичок. – Мне очень нравится с тобой разговаривать, юноша. Ты из деревни?

– Да, – ответил Анн. – Я люблю бывать в этих местах. Иногда у меня получается разговаривать с их обитателями.

– А вот с ним сможешь? – спросил незнакомец. На дереве в двух шагах от старичка сидел дятел.

Анн невольно протянул руку в направлении птицы, чтобы понять, её ли имел в виду старичок, но тем самым испугал дятла. Тот сорвался с места и скрылся в ветвях. Анн расхохотался.

– Не смогу.

И добавил:

– А Вас он не боялся.

– Странный дятел, да, – подтвердил старичок. – Значит, ты искал исток?

Анн кивнул.

– А зачем? У ручьёв бывают не только истоки. После того, как ручей родится, он сначала обретает себя, превращаясь

в быстрину, потом делается рекой...

– А потом, в конце?

– А в конце нет уже ни ручья, ни реки.

Слова старичка очень походили на сказку, только Анн подумал, что они – вовсе не сказка. Просто у него не получалось подобрать определения для них.

– И люди почти всегда стремятся к устьям? – спросил Анн.

– Да, ты понял меня, – засмеялся старичок. – А мы вот пришли к истоку этого одного и того же разного ручья.

– Ну, мне, пожалуй, пора, – сказал Анн. – Нужно возвращаться.

– Ты можешь идти назад не вдоль воды. Вот там, – старичок показал направление, – есть тропинка. Она напрямик выведет тебя к деревне. Ты ведь уже увидел всё, что хотел?

– Спасибо, – сказал Анн. Он попрощался с незнакомцем и пошёл в Берёзовый Дол.

Глава девятая. Мечты и явь

Анн рассказал матери о своём путешествии. С некоторых пор между ними установилось то доверие, которого не было ранее. Возможно, Анн просто повзрослел, и мать это чувствовала. Теперь она могла разговаривать с ним как со взрослым, без невольных поучений и заботливо-удушающего контроля. Анн иногда ловил на себе её странные взгляды. Так бывало, когда она временами задумывалась о чём-то, потом поднимала глаза на него – на краткий миг – и снова погружалась в задумчивость.

– Почему ты так смотришь? – спросил он её за ужином.

– Как? – удивилась мать.

– Раньше и ты, и отец стали бы ругать меня, сделай я то, что делаю сейчас. Помнишь тот переполох, который вы подняли, когда я ушёл ночью в лес? А теперь я гуляю там, забредаю совсем далеко, но ты остаёшься спокойной.

– Не так уж я и спокойна, всё равно волнуюсь... Просто ты не видишь, как я переживаю.

– Но ведь ты же не кричишь на меня, не запрещаешь и даже не просишь не ходить или не делать что-то... Почему? Потому что я уже взрослый?

– Ты ещё не взрослый, – засмеялась мать.

– Тогда почему?

– Не могу объяснить. Я волнуюсь, но в то же время знаю,

что с тобой ничего плохого не случится.

– Это потому, что стригес меня не тронул?

– Наверное. Любая мать верит в сына, но мне иногда кажется, что у тебя будет особенная судьба. И поэтому в лесу ничего не может случиться. Это слишком нелепо. Что в будущем – не знаю. О будущем тревожусь. А о таких мелочах... Это ведь мелочи... Вот поэтому смотрю на тебя, а пытаюсь заглянуть в будущее.

– Я тоже не испытываю страха, мама! Не потому, что всё уже знаю там: почти каждую тропинку и каждое дерево. Сам страх не вспоминается! Прихожу туда – и словно я дома. Я так чувствую разные незнакомые вещи, словно они родные для меня. И часто хочется как-то выразить это, рассказать, спеть... Только не знаю, как это делают, как это правильно делать.

– Когда-нибудь всё сложится правильно, – сказала мать.

– Так должно быть?

– Так бывает.

Они часто разговаривали, если у матери выдавалась свободная минутка... Особенно он любил её рассказы о далёких землях, о тех временах, когда родители ещё не жили в Берёзовом Доле. Рассказы о реальном мире превращались в его сознании в красочные фантазии, и он часто блуждал в них, оставаясь один. Кое-что он пересказывал Нель, и та всегда слушала его заворуженно.

– Жаль, что всё это так далеко от нас, – говорила она по-

том.

– Ну почему же «далеко»? – удивлялся Анн.

– Вам, мужчинам, близко. А нам остаётся только помечтать да и забыть для собственного же блага.

Анн не понимал её, но не спорил.

Ревнивые поклонники девушки злились, пытались заставить её не общаться с Анном. Она же всё более осознавала свою магическую девичью власть над ними и совершенно не боялась кого-то из них потерять. На место одного потерянного тут же встали бы двое других, страждущих её внимания. Тогда ревнивцы начинали требовать от самого Анна «отойти от Нель» и не приближаться к девушке ближе, чем на половину главной деревенской улицы.

Анн изумлялся.

– Да как же мне быть, – спросил он однажды ретивого уха-жёра, – если мы рядом живём? Дом переставить на другой конец?

Особенно усердствовали отвергнутые, убеждённые в том, что их неудачи связаны с Анном. Они не умели так рассказывать истории, как он, не могли показывать такие интересные места. Наконец, они не выживали в столкновениях с чудовищами, что вызывало в их душонках особенную зависть. При этом никто не вспоминал, что Анн остался сиротой после встречи со стригесом.

Самым злобным среди завистников был Смели, сын богатого крестьянина. Он не отличался особенным умом, хо-

тя хорошо помогал своему отцу в полевых работах. Анн даже стал подозревать, что его рыбную сеть изрезал именно он. Здоровяк Смели всегда норовил толкнуть его, если они встречались на улице, не упускал случая бросить вслед обидную шуточку или плюнуть. Анн старался пропускать мимо ушей его выпады, чем только сильнее злил. Смели смотрел на него, как на слабака, не осмеливающегося дать сдачи. И всё большей становилась его злоба из-за дружбы Анна и Нель.

– Ты другой, вот он и злится, – сказала ему Нель.

– Но ведь я никогда не говорил ему ничего обидного, – с горечью отвечал Анн.

– А тебе и не нужно этого делать. Просто он не любит тех, кто не похож на него. У тебя ведь даже волосы другие – тёмные. А мы здесь почти все – светленькие.

Анн позже спросил у матери, правда ли, что он – другой.

Она почему-то побледнела – так, что он даже испугался. Бросился к ней, но мать сделала успокаивающий жест: всё нормально, случайная дурнота нахлынула, вот уже прошло...

Анн усадил её в плетёное кресло-качалку у окна – предмет вечной зависти односельчан. Эту роскошь подарил отцу богатый землевладелец в западных краях. Отец размечал у него охотничьи угодья.

– Мне сегодня Нель сказала, что я отличаюсь от других ребят, поэтому они плохо ко мне относятся. И волосы у меня

другие.

– А что ещё она тебе сказала?

– Что люди не любят таких, как я.

– Да, в их глазах ты – белоручка, – с облегчением сказала мать. – Они любят свою землю, трудятся на ней не по принуждению, а для себя, но ты, сделавшись землемером, станешь зарабатывать больше их. И ты не будешь выходить на работы в холод и дождь. Они сравнивают и завидуют.

– А почему мы не крестьяне? – вдруг спросил Анн.

– Так у нас же и не было никогда земельных наделов, – сказала мать. – Мы приехали сюда и купили этот дом, потому что здесь спокойно. Было спокойно, – поправилась она, – до стригеса.

– А почему не поселились в Римоне?

– У нас не хватило денег, чтобы купить там жилище. Да и не нравится мне городской быт. И отцу твоему не нравился. Здесь лучше, тише, чище.

– А почему вы уехали из прежних мест?

– Когда-нибудь расскажу тебе, – ушла от ответа мать. – А пока подложи мне вон ту подушечку под голову, я немного отдохну.

Мать в последние месяцы сильно уставала. Женщины Берёзового Дола стирали и полоскали бельё в реке, выходя на деревянные мостки, устроенные чуть выше пристани. Многие не хотели студить руки в холодной воде. И тогда бельё отдавали матери Анна, которая трудилась вместо

них за несколько маленьких монеток. Анн, как мог, помогал ей, принося и относя тяжёлые корзины с чужими тряпками. Поднимаясь в очередной раз от реки в гору, он почти всегда думал о том, что скоро всё переменится. Он сдаст экзамен и сделается учеником в гильдии землемеров, а затем будет служить – как отец.

Анн прочитал почти все книги из отцовского шкафа, за исключением одной полки. Собственно, то была даже и не полка, а нечто вроде секретного отделения. К полке мастер-краснодеревщик приладил дверцу, которая имела замок и запиралась на ключик. Всё сделали так искусно, что как-то подцепить её, оттянуть, выломать ни у кого не получилось бы: проще было весь книжный шкаф разломать. Анн однажды спросил у матери, что там, внутри.

– Не помню, – ответила мать.

– А где ключик от этой полки?

– Где-то лежит. Я туда никогда не заглядывала. Да там и нет ничего интересного.

– А вдруг там книги, которые мне очень понадобятся на экзамене?

– Вряд ли. Я ни разу не видела, чтобы отец туда что-то клал или брал оттуда. Он и сам-то не помнил, что там лежит. Сделали ему когда-то этот шкаф, да и позабылось со временем, что к чему...

Потом мать некстати добавила:

– Ты про эту полку не рассказывай никому!

Анн понял, что здесь какой-то секрет. А о секретах, действительно, не стоит часто говорить. Однажды он показал Нель своё потаённое место. Чуть ниже по реке из горы выбежал маленький-маленький ручеек. Был он совершенно умиротворяющим, почти кукольным. Анн сразу представил себе

волшебное королевство, подумал, как замечательно было бы показать его Нель. Он смастерил из причудливых веточек обитателей этого королевства. К веточкам приладил разноцветные лоскутки – вышли ливреи и мундиры, пышные бальные платья и наряды. Потом он выкопал в толще склона маленькую пещерку и посадил жителей туда, чтобы дамы и кавалеры не пострадали от дождя или от солнечного зноя.

И вот к этому месту он привёл Нель. Она даже зажмурилась от восторга!

На следующий день Нель поделилась секретом со своей кузиной, та рассказала подруге, потом секрет дошёл ещё до чьих-то ушей... И когда Анн пришёл проведать своё кукольное королевство, то увидел вместо волшебного зелёного уголка обрушенный песчаный склон и старательно вытоптанную траву.

«Ну вот, пришли кочевники из дикой степи и увели жителей в полон, – грустно сказал Анн. – Только я всё равно спасу их».

Вечером того дня он впервые подрался с одним из тех, бросал ему вслед обидные слова и шуточки. Когда их растащили, Анн поднялся из пыли, отряхиваясь, и сказал:

– Если что, ты знай – так всегда будет.

Соперник, мальчик с другого конца деревни, что-то буркнул в ответ, однако в драку снова не полез. Ему расхотелось драться, несмотря на то, что он вроде бы одержал победу.

В середине лета мать позвала к себе Анна и спросила, на-

сколько хорошо он стал понимать отцовские книги.

– Может быть, тебе стоит отправиться в Римон и зайти в ту контору, где вы были с ним? – сказала она, покашливая. – Надеюсь, они согласятся выслушать тебя. Я помню, что в это время обычно устраивают испытания для желающих стать землемерами.

– Ты права, мама. Всё равно больше я ничего не выучу. Я стараюсь, но всё равно такое чувство охватывает, будто я в стену бьюсь, не могу больше ничего понять. Был бы у нас в Доле учитель, который мог мне кое-что объяснить, тогда бы я...

Он остановился.

– Тебе холодно? – спросил Анн, глядя, как она кутается в шаль, купленную отцом тогда, в роковой день.

– Да, знобит. На реке ветер холодный был.

– Я поеду! – сказал он. – Конечно! Очень хочу, чтобы всё переменялось. И чтобы у тебя всегда была тёплая шаль!

– Я попрошу твоего дядю, когда он в город после Праздника Подсолнухов соберётся, тебя с собой взять. А если не Магнус, так почтальон согласится довезти тебя до Римона.

– А ты не знаешь дня испытаний? Вдруг я опоздаю?

– Отец рассказывал, что на всё отводится целая неделя, но только один раз в три года. Желающие демонстрируют свои умения, выполняют задания мастеров, а потом из них выбирают несколько лучших.

– Страшно.

– Это нормально, что страшно. Так и должно быть. Но я верю, что ты справишься.

– А когда придёт эта неделя?

– Я же сказала тебе: после Праздника Подсолнухов.

Глава десятая. «Солнечная сладость»

Берёзовый Дол славился диковиной, которой не было ни в одной соседней деревне. Давным-давно здесь придумали вкуснейшую сладость, любимую всеми детьми королевства (и не только детьми). Летом специально устраивали ярмарку, и на неё съезжались многие гости и купцы. Жители Берёзового Дола обладали королевской привилегией, а потому больше нигде нельзя было купить эту сладость.

Называлась она просто – «солнечной сладостью». А её история, подобно всем любопытным историям, начиналась в «незапамятные времена».

Однажды через Берёзовый Дол проезжал сам король Боргион I. Блистательная кавалькада направлялась в Римон. Благородные рыцари скакали по дороге, выходящей среди полей, и на одном из них король увидел странное растение. Боргион I остановился и обратился к крестьянину, работавшему неподалёку.

– Что это за невиданная вещь? – спросил он.

Растение имело круглую шляпку со множеством семян и чудесными ярко-жёлтыми лепестками вокруг. Под ветром оно подрагивало и, казалось, изящно склонялось перед королём.

– Это «солнечный цветок», Ваше Величество, – робко отвечал крестьянин, узнавший, конечно же, короля.

– Такой цветок никогда не рос на землях моего королевства! – воскликнул Боргион I. – Откуда ты взял его?

– Простите меня, Ваше Величество, – склонился крестьянин перед королём. – Полгода назад в нашу деревню пришёл чужеземец. Он был тяжело болен. Мы пытались вылечить его, однако он умер. После него осталась дорожная сумка, а в ней были эти семена. Я решил посадить их, потому что я крестьянин.

– Справедливо, – сказал Боргион I. – Ты стал наследником его вещей и имел право распорядиться тем, что нашёл. А уверен ли ты, что из этих семян не родится что-нибудь злое?

Крестьянин испугался, потому что не предполагал такой возможности. И тогда он с отчаянной смелостью произнёс:

– Ваше Величество, разве может принести зло такая красота? Посмотрите, цветы смотрят на Вас и приветливо улыбаются!

И действительно, всё поле, казалось, повернулось к королю и его свите.

Боргион I улыбнулся и сказал:

– Ну что же, пусть будет по-твоему. Осенью ты пришлешь мне на пробу плоды, которые рождаются на этом растении. Возможно, я даже вознагражу тебя за смелость и старание.

И королевская кавалькада умчалась.

Через день Боргион I снова проезжал через Берёзовый Дол, через то же поле, возвращаясь из Римона в столицу. Был

вечер, и вышло так, что солнечные цветы снова приветствовали короля своими улыбающимися головками.

Король удивился. Он ехал с другой стороны, но цветы снова смотрели на него. Он велел разыскать крестьянина, работавшего на поле, и привести к нему.

– Почему твои цветы снова смотрят на меня? Что это за колдовство? – спросил он беднягу, трясшегося от ужаса.

Крестьянин позже возносил хвалу всем богам и духам земли за то, что они подсказали ему достойный ответ.

– Ваше Величество, – пролепетал он, – «солнечный цветок» знает о приближении солнечного короля, а потому заранее склоняет свою голову перед ним.

Король расхохотался.

– Мне нравится твой «солнечный цветок»! Отпустите его, пусть дальше возделывает свои поля! – прокричал он и поспекал дальше, а кавалькада последовала за ним.

Крестьянин же остался лежать на краю поля, переводя дух от внезапного потрясения.

А когда «солнечный цветок» поспел, крестьянин придумал, что делать с его небольшими семенами. Он стал выжимать из них пахучее масло, которым так замечательно было поливать овощи во время трапезы. А немного поджаренные на плоских раскалённых камнях, эти семена хорошо утоляли голод в дороге. И ещё кто-то придумал смешивать их со сладкой патокой... Лакомство назвали «солнечной сладостью».

Вот её-то крестьянин и отправил осенью в королевский

дворец, а потом сел и стал ждать: казнят его или наградят.

Спустя два месяца в Берёзовый Дол прискакали два герольда. Они остановились у дома старосты и принялись трубить, созывая народ. Один из герольдов достал небольшой мешочек с серебряными монетами.

– Король Боргион I всегда награждает своих верных подданных, пусть же все знают об этом! – прокричал он.

А второй герольд вытащил из сумки грамоту. Развернул её, громовым голосом прочитал текст и снова торжественно затрубил. Это была королевская привилегия Берёзовому Долу на исключительное право возделывания «солнечного цветка».

Для гостей праздника на краю поля всегда сооружали высокий помост. Забираться на него приходилось по специальной лесенке. Зато какой вид открывался на бескрайнее море «солнечных цветов»!

Одно поле всегда оставляли для праздника и убрали чуть позже остальных. Около него приезжие художники рисовали портреты желающих. В эти дни деревенским девушкам можно было подсмотреть и новые наряды, потому что на праздник всегда заглядывали римонские модницы. Сначала они жеманно гуляли под белыми полотняными зонтиками, а потом сбрасывали с себя напускную важность и превращались в обычных, радующихся простой жизни девиц и зрелых дам.

Приезжие часто селились в домах у жителей Берёзового Дола, оставаясь в деревне на несколько дней. Так было, ко-

нечно же, удобнее. Местные жители заранее убирали, чистили, украшали для богатых постояльцев комнаты. Ещё бы – они получали от гостей полновесные серебряные монетки за предоставленный ночлег!

На лугу, раскинувшемся неподалеку от спуска к реке, в эти дни на многочисленных лотках продавали всякую всячину. Глаза разбегались, не зная, на чём остановиться, что попробовать первым. Тут были и сырые семена «солнечных цветов», и круглые палочки из них, которые надо было просто бросать в кипящую воду и варить, и даже свежее «солнечное» пиво! Мастера продавали «солнечные» бусы из обожжённой и искусно раскрашенной глины. Рукодельницы предлагали мягкие подушечки с изображениями цветка, всякие занавесочки на окна, мягкие полотенца, вышитые белые рубашки. Мать Анна тоже всегда готовилась к празднику и выходила к гостям Берёзового Дола со своим рукоделем.

И конечно же – была на лотках «солнечная сладость»!

За ней приезжали, бывало, из далёкого далека. Жители Берёзового Дола как могли расхваливали сладкий продукт. Они выставляли его в красивых берестяных коробочках, распевали песни о нём и постоянно напоминали гостям о том, что «солнечную сладость» очень любят при королевском дворе! «Каждый может отведать королевской кухни!» – вот что они говорили гостям.

Были на празднике и традиционные деревенские яства: пироги, мёд, густая сметана, в которой застывала ложка. Домашние заготовки тоже радовали – грибы, ягоды, вяленая рыба... День за днём продолжалось пиршество для живота.

Анн, как и другие ребята, помогал взрослым. Исполнял разные мелкие поручения, бегал за товаром и с товаром туда-сюда, водил гостей удобными тропинками то к реке, то к полю, к праздничной ярмарке... Только к вечеру выдавалось свободное времечко. Деревенские девушки в красивых нарядах водили вечерами хороводы и пели протяжные, кра-

сивые песни. Анн любил слушать их. Внутренне он пел вместе с ними, хотя вслух – никогда, боялся, что засмеют. Мужчины в их деревне практически не пели, ну разве что песни пахотные да рабочие, а в тех ценилось совсем другое, там в словах билась энергия, здесь же – царили изящество и гармония. Девушки пели о мечтах и надеждах, о далёком и неведомом, о родном и чужеземном...

В одной песне речь шла о резнице – красивом зелёном растении с резными листьями. Если сломить его веточку, то получалось замечательное опахало. Резница росла во влажных местах в лесу и, по преданию, приносила счастье тому, кто сумел увидеть, как однажды распускается белый-белый цветок на ней. Каждый куст цвёл один-единственный раз, и это происходило обязательно в полночь. Говорили, что свет протягивается лучиком вдаль и указывает направление на закопанный клад. Или сразу упирается в лесной склон, в ямку, в дерево, под которым золото каких-нибудь разбойников лежит. Впрочем, несмотря на соблазн мгновенно разбогатеть, в Берёзовом Доле не находилось смельчаков идти в страшный ночной лес и там ждать нужной минуты.

«А ещё этот цветок помогает замки открывать, – вспомнил Анн. – Старый Перси рассказывал, что даже арестанты могут бежать, если к их кандалам цветок резницы поднести. Кандалы сами собой откроются и упадут с рук и ног».

Насчёт каторжников Анн не был уверен, но вот что так он сможет заглянуть на потаённую полку в книжном шкафу

дома – подумал.

И так как трудовые хлопоты дня закончились, он отдал матери заработанные монетки, а сам, взяв из дому краюху хлеба и кусок сыра на ужин, отправился в низинки у Бобровых Ручьёв. Ему припомнилось одно местечко, где густо росла резница. «А вдруг я найду этот цветок? – подумал Анн. – Я никогда не искал клады, потому что отец говорил мне, что настоящий клад обретается человеком в честном труде, но сейчас... Если бы удалось найти пусть даже самое маленькое сокровище, матери не нужно было ходить на реку и стирать чужое бельё».

На лугу он встретил Нель с подружками. Они весело помахали ему, и он, обрадованный, крикнул издалека:

– Я тебе принесу невиданный цветок, Нель! Жди!

– Когда? – крикнула в ответ девушка. – Если он будет красив, я вплету его в свою косу.

– Завтра утром. Обещаю тебе!

Нель не знала, что он идёт за резницей, но ей очень хотелось получить невиданный цветок. Потом она вплела бы его в свои волосы и постаралась бы произвести впечатление кое на кого. У всех девушек в эти дни праздника на головах были ромашковые венки, но они казались такими обычными. А вот «невиданный» цветок...

Глава одиннадцатая.

Волшебный цветок

Анн много раз бывал в низинке у ближайшего Бобрового Ручья, но в этот вечер он почему-то заблудился. Пришлось лезть по непонятному бурелому, чтобы выбраться на знакомое место. Затем он едва не сломал ногу, зацепившись за какой-то корень. А после всех злоключений едва не умер от страха, когда за лесным поворотом увидел мрачный силуэт страшного великана с раскинутыми ручищами. Да тут ещё и ночная птица заорала – истошно и пугающе, и он – считавший, что знает лес, как свои пять пальцев – застыл мёртвым изваянием на месте...

...Это был не великан, а обычный дуб, правда – исполинских размеров. Раскинув руки-ветви, он предупреждал: не ходи дальше, не ходи...

«Ерунда, – отмахнулся от своего страха Анн, – если я побоюсь, то Нель меня засмеёт. Да и кто знает, может быть, лес нарочно меня пугает. Испытывает?»

И он пошёл дальше.

Белый цветок резницы должен был светиться по-особенному, так рассказывали старики. Никто из них, правда, не принёс в деревню и не показал остальным такое чудо, но рассказывали они уверенно. «Да и какая разница, каким он будет, – думал Анн, – мне кажется, я сразу пойму, что это

он. Волшебство сразу заметно».

Он заметил небольшой огонёк за кустами. Осторожно пошёл к нему, помня недавнее падение. Огонёк невесомо отодвинулся, оставшись на том же расстоянии от Анна, что и раньше. Светлячок? Нет, светлячки выглядели по-другому. Анн гонялся за манящим светом довольно долго, пока не додумался до одной простой вещи: до полночи ещё было много времени. А резница цвела только один раз и только в полночь! Коварный огонёк, убегающий от него, был всего лишь лесной обманкой.

Анн с трудом выбрался на прежнюю тропинку и пошёл дальше. А вокруг него в воздухе плавали уже не один, а много таких огоньков-обманок. Они светили и слева, и справа, и пели для него завораживающую музыку с неизвестными словами. «Иди к нам, – слышалось Анну, – иди к нам...»

– Спасибо! – спел он в ответ, постаравшись попасть им в лад. – Спасибо, но я хочу найти другой свет!

И казалось, что они поняли его, потому что перестали нашептывать ему соблазнительные слова и просто кружили рядом.

Добравшись до низинки, он устроился на сухом пригорке, привалившись спиной к большому дереву. В нескольких шагах блестела в лунном сиянии вода. По её глади временами пробегала серебристая рябь. В воздухе неумолчно пели комары, но Анн запасся по дороге несколькими пучками особой травы, отпугивающей кровососов. Он растёр травинки

между пальцами и коснулся ими шеи, щёк, лба, засунул мягкий скрученный пучок себе за пояс.

Резницы было здесь очень много. Анн сначала смотрел на её заросли, не отрываясь, но затем глаза стали слезиться от напряжения. Он достал хлеб с сыром и съел. Крошки аккуратно стряхнул с платка в ладонь и тоже отправил в рот. Потом стал думать о деревне, о матери, о предстоящем испытании в гильдии землемеров. Подумал о том, что станет делать с цветком, если найдёт его. Анн решил, что сначала откроет таинственную полку в книжном шкафу, а затем подарит цветок девушке. Всё равно он вернётся домой раньше, чем она проснётся и выйдет из дому.

В лесу было беспокойно. Трещали ветки, будто бы кто-то ходил по окрестностям. Слышались неясные голоса. Иногда вдалеке разливался тусклый свет. Анн спокойно сидел на одном месте.

По-настоящему жутко сделалось, когда сильный треск раздался прямо перед ним, в болоте. Казалось, что кто-то сломал целое бревно и теперь недовольно ворчит. От такого соседства с неизвестным хотелось вскочить и без оглядки бежать куда глаза глядят.

«Испугайся, испугайся! – пел ему тёмный лес. – Испугаешься – пропадёшь! Побежишь – пропадёшь, сгинешь!»

А невдалеке вдруг поднялся над чёрной землёй чей-то белый силуэт. Силуэт человека, смотревшего в его сторону.

«Беги, беги, – пели деревья, – пропадёшь, сгинешь...»

Анн просто ждал. В легендах многие погибали – те, кто испугался и побежал. Но так и должно было происходить, думалось ему, иначе что бы это было за волшебство?! Для волшебства что-то особенное нужно. Сила, стойкость, вера... Трусам чудеса не нужны. И трусы – чудесам. Поэтому они не находят друг друга. Вот только сам он не струсит ли в эту ночь? Очень уж страшно было здесь одному, до жути страшно. Деревенские парни и девушки ходили искать резницу только гурьбой. Так веселее! Один раз и вместе. Никому не страшно. Все чудища прячутся, когда по лесам люди с факелами бегают и костры жгут, в ручьях нахально купаются да через огонь прыгают. Один раз в году лесные духи такое стерпят. А в остальное время надо к лесу с уважением относиться. Недаром сегодня лес не в духе...

И вдруг стало непривычно тихо.

Исчезли и комары, и ветер, перестали трещать сучья и ветви.

Даже серебряная вода замерла.

А в нескольких шагах от него... разливалось голубое свечение.

Анн поднялся с места и шагнул на ватных ногах к кусту резницы.

«Полночь наступила? – подумал Анн. – Неужели я дождался?»

Прямо из стебля резницы, прикрытый сверху листьями, рос на глазах плотный бутон цветка. Он достиг разме-

ра крупного ореха и стал наполняться силой и свечением. И что-то особенно зазвучало в мире.

«Вот-вот, сейчас всё произойдёт!» – возбуждённо думал Анн, упав на колени рядом с кустом и наблюдая за таинством.

Это была особенная музыка. Высокая, напряжённая, звенящая. И ещё – странно одинокая. Ликующая, волшебная, превращающая одно в другое, с лёгкостью пересотворяющая предметы и события, но – музыка для одного, а не для всех. Анн слышал каждый звук в ней, впитывал её, и она, казалось, доверяла ему, продолжала звучать, не прерываясь ни на миг.

А затем бутон раскрылся, и Анн увидел волшебный цветок. Он угадал его цвет. Цветок был голубовато-белым, таким же, как и луна, и отблеск воды, и свечение огоньков между деревьями...

Он протянул руку.

Цветок лежал в его ладони, небольшой, странно-хрупкий, светлый. Если его поднести к чему-нибудь, то предмет словно бы покрывался нежной дымкой. Анн осторожно переместил руку к лежавшей на земле сухой ветке, и ветка вдруг превратилась из грязной и серой в упругую, зелёную, будто бы только что сломанную грубой рукой. Потом Анн поднёс цветок к своей дорожной сумке, и та сделалась необычно новой, будто бы вчера сшитой.

Анн забыл обо всём на свете! И о лучике, который указывал на закопанный поблизости клад, тоже! Он залюбовался цветком и забыл... Анн растерянно глядел по сторонам, словно надеясь, что от волшебного луча мог остаться след в воздухе. Конечно, ничего не осталось, вокруг была обычная темнота. Да и светил ли лучик? Анн не помнил. Кажется, нет. Он вздохнул и направился домой.

В легендах стариков говорилось о том, что нашедший цветок должен был бежать и не оглядываться, потому что его тут же начинали преследовать злые духи. Духи и демоны всегда старались отобрать цветок, они принимали чужие облики и строили козни счастливчику. И ещё нельзя было ни в коем случае оборачиваться, потому что цветок мог просто исчезнуть. Анн не видел вокруг себя ничего пугающего. «Вот ещё, – думал он, – невесть чья придумка! Что за злые духи могут оказаться рядом с подобной красотой?!»

Была обычная летняя ночь. Такое время нравилось Анну. Не замечались ни часы, ни минуты, оставалось только чув-

ство ровных шагов по земле, освежающей прохлады, звёздного неба...

Ближе к деревне Анн увидел огоньки: неугомонные гости продолжали веселиться. Для них горело несколько костров на лугу. Слышался заливистый смех и доносились мелодии песен. «Под утро, наверное, пойдут спать, – подумал Анн, – как обычно в эти дни».

Он уже почти дошёл до своего дома, когда дорогу ему заступило несколько тёмных фигур. Анн остановился, а одна фигура голосом Смели сказала:

– И что же ты несёшь?

– Не прячь за спину, покажи! – подхватили другие.

– Дай-ка нам посмотреть!

Смели уверенно протянул руку:

– Ты не бойся, я посмотрю и отдам.

Анн понимал, что цветок у него хотят просто отобрать. Вряд ли они даже понимали, что это было! Скорее всего, кто-то услышал его обещание, данное Нель. Или же парням нашептали об этом завистливые подружки...

Анн не заметил, как к нему сзади подошёл кто-то и встал на четвереньки прямо за спиной. Смели устал ждать и сильно толкнул Анна. Анн не устоял и грохнулся через пристроившегося наземь. На него навалились и вырвали цветок из руки. Анн пытался бороться, но нападавших было много. Смели торжествующе бросил цветок на землю и растоптал ногами.

– Вот такой подарочек преподнеси, ублюдок! Нель понравится.

Все расхохотались.

– Давай, беги отсюда, пока мы добрые!

Не позволяя себе расплакаться от жгучей обиды, Анн поднялся с земли и направился к дому. Знали бы они, что уничижили, что смешали с грязью и пылью!..

Весь остаток ночи Анн просидел на крыльце. Просто сидел и смотрел на небо.

Проснулась мать. Она поднималась рано, чтобы подоить жившую в сарае козу.

– Доброе утро, сынок! Ты всю ночь где-то гулял?

– Доброе, мама.

Мать, покашливая, скрылась в сарае, загремела подойником.

Потом вышла из своего дома Нель. Увидела его, улыбнулась.

– Привет, Анн! – крикнула она. – Доброе утро! Где же обещанный цветок? Ты принёс его?

– Нет, Нель, не принёс, – с усилием выговорил Анн. – У меня не получилось. Прости.

– А зачем же тогда обещал? – огорчилась девушка. – Надо мной теперь будут смеяться...

И она ушла в дом.

«Скоро всё переменится», – думал Анн.

Так начинался его день.

Глава двенадцатая. Снова в Римоне

Праздник кончился, и снова потянулись обычные дни.

Дядя Магнус нехотя взял его в свою повозку, когда отправился по торговым делам в Римон. Он был не в восторге от такого попутчика. В голове у дядюшки тоже, видимо, утвердилась мысль, что странный подросток приносит несчастье и от него лучше держаться подальше.

Поэтому он торопливо нахлёстывал лошадь, пока они ехали туда, а в самом городке постарался быстрее отделаться от Анна.

– Ну, где твоя гильдия, ты знаешь, – сказал он, как только они въехали в городские ворота. – Надеюсь, что всё у тебя будет хорошо. Ты уж дальше сам. Извини, не могу тебя сопровождать, дела...

Дядя Магнус возвращался в Берёзовый Дол тем же вечером. Анн не знал, сколько часов или дней займут у него испытания. На всякий случай у него в кармане лежало несколько монеток. Как возвращаться назад, он пока не думал. На дядю надежды не было. Анн с лёгкой грустью посмеивался над происходящим. «Да уж как-нибудь доберусь до дома, – думал он. – А то и вообще останусь здесь, если меня примут в ученики. Тогда мне придётся ездить по округе с мастером, к которому меня отдадут в обучение. Буду жить здесь или ещё где-то, но уже не дома».

Анн поправил на плече сумку и зашагал по знакомым улицам к гильдии землемеров. Всего два года назад он проходил здесь вместе с отцом. Тогда он знал, что всё хорошо и спокойно, и было, и будет. А теперь вот – один. Впрочем, ощущение одиночества давно сделалось привычным.

И ещё многое вспоминалось. Вот на этом углу отец тогда остановился и поклонился какому-то степенному господину. Анн позабыл имя того важного чиновника, но до сих пор помнил его солидный наряд, его резную трость, которой господин важно постукивал по мостовой... А когда они проходили через маленький переулочек, отец поддерживал Анну под локоть, чтобы тот не упал на том коварном месте, где брусчатка всегда бывала мокрой и скользкой от текущих нечистот... А вот в том направлении, кажется, была гостиница, где они останавливались... Хотелось спросить что-нибудь, услышать в ответ знакомый хриловатый голос...

Анн наконец добрался до здания гильдии землемеров.

У парадного подъезда толпились люди. Мужчины и их сыновья. Время от времени из-за тяжёлых дверей с изображением характерных инструментов на каждой створке выходил привратник и что-то спрашивал, выслушивал ответ и записывал его себе в тетраточку. Мужчины передавали ему мешочки, в которых позвякивали деньги, а он привязывал к этим мешочкам бирки с именами их наследников. Потом привратник снова скрывался за дверями гильдии.

Анн дождался его очередного появления и подошёл бли-

же.

Привратник посмотрел на него и спросил:

– А тебе что надо, парень?

– Мой отец был землемером, – сказал Анн. – Землемер Руай из Берёзового Дола.

– И ты тоже хочешь стать землемером?

Анн кивнул.

– Но ведь ты знаешь, что для вступления в гильдию требуется внести определённую сумму золотых монет?

Пересохшими от волнения губами Анн сказал, что к потомственным землемерам это правило не относится. Правило гильдии под номером двенадцать из магистрального уложения.

– Молодец, господин молодой нахал! – расхохотался привратник. – Разумеется, ты прав!

Какой-то юноша, стоявший рядом вместе со своим отцом, удивлённо посмотрел на Анна. Он незаметно потянул своего родителя за рукав и зашептал ему что-то. Анн расслышал только кусочек из ответа отца: «...всё равно лучше внести золотые...»

– А ты не особенно похож на покойного Руайя, – продолжал привратник. – В мать пошёл лицом?

Анн пожал плечами.

– Отец не приводил тебя к нам ни разу. Да ты не врешь ли мне, случаем? Точно ли сын его? А то ведь разные проходимцы по миру гуляют... Бумаги есть?

Анн опешил. Действительно, отец мало рассказывал ему о гильдии. И в поездку в Римон взял только раз, в то трагическое лето.

– Есть, – полез он в сумку.

– Да ладно, парень, не тушуйся заранее, – успокаивающе сказал привратник, – вот продемонстрируешь, что умеешь, а мастера решат, что с тобой делать.

– А когда я смогу продемонстрировать? – спросил Анн.

Привратник заглянул в книжечку.

– Через два дня приходи. Утром. Когда все мастера соберутся, тогда уж и будут на вас смотреть. Вписываю тебя, значит. «Анн, сын Руайя, покойного землемера из Берёзового Дола».

Он отвернулся от Анна и стал расспрашивать стоявших рядом. Анн отошёл в сторону, но недалеко. Он сел у стены гильдии, стал притворно копаться в сумке, но сам тем временем внимательно слушал разговоры. Родитель одного юноши тоже был землемером, как и отец Анна, только жил много дальше Берёзового Дола. Другой, не землемер, привёл своего сына, надеясь на удачу, а не на знакомство с мастерами.

Привратник записал и их имена и скрылся в здании, держа в руках очередные мешочки с монетами.

Больше ничего интересного не происходило, и Анн отправился разыскивать местечко, где бы он смог переночевать до испытаний.

Выйдя на главный рынок города, он почувствовал, что страшно проголодался. Похлопал рукой по кошельку, висевшему на поясе, и решил, что может позволить себе купить какой-нибудь замечательный пирог с мясом. Часть пирога он съест прямо сейчас, а часть оставит на ужин. И Анн, остановившись, принялся оглядываться, высматривая ряды с выпечкой.

Всё было таким же, как и ранее.

Над ратушей развевались королевский штандарт и флаг Римона. Шумела многоликая толпа. Люди сновали туда и сюда, выбирая лучшее, зазывалы надрывались, расхваливая свой товар и превознося его до небес перед конкурентами...

Фрукты и овощи, ароматный хлеб, свежая и вяленая рыба – от всего этого текли слюнки. Анн прошёл ряд до конца, присматриваясь и справляясь о цене, а затем вернулся к той женщине, у которой пироги показались ему самыми румяными.

– Понравились? – весело подмигнула она ему. – С чем будешь: с мясом, с грибами?

– С мясом, госпожа, – сказал Анн. – Я бы купил у Вас один пирог с мясом.

Торговка расхохоталась.

– Спасибо, паренёк! Возвёл меня в «госпожу», приятно-то

как! Знаешь, я тебе два пирога за эту цену дам!

Она снова засмеялась и, взяв у Анна монетку, протянула ему еду.

– А ты давай не отирайся тут! – прикрикнула она на какого-то неопрятного нищего, подобравшегося бочком к её лотку, и снова обратилась к Анну. – Откуда сам будешь? Ты ведь не местный?

– Я из Берёзового Дола, – сказал Анн, – хочу поступить в ученики в гильдию землемеров. Скоро у меня испытания.

– А здесь у кого остановился? Родственники приютили?

– У меня нет здесь родственников. Думаю поискать гостиницу.

– Тогда тебе, думаю, нужна гостиница подешевле. Ведь верно? Могу подсказать.

– Я был бы очень Вам благодарен, – обрадовался Анн. – У меня и правда – совсем мало денег.

Он хотел снова похлопать ладонью по кошельку, но с ужасом обнаружил, что того нет на поясе. Пальцы нащупали только обрезанную тесёмку. Кошелёк кто-то срезал, пока он разговаривал с доброй женщиной, держа пироги в обеих руках.

– Да что же ты стоишь, как истукан?! – возопила торговка, всплеснув руками. – Лови его, беги за ним скорее! Это же он!

– Кто?

– Да тот нищий! Зря он бродил тут что ли?!

Анн огляделся и увидел вора уже вдалеке, на краю пло-

щади, торопливо пробиравшегося среди людей в сторону какой-то незаметной боковой улочки.

– Держи его! – громко закричала торговка, указывая пальцем в том направлении. – Держи негодяя! Украли! Кошелёк украли!

– Беги за ним!

Она подтолкнула Анна, и тот побежал.

Откуда ни возьмись, появилась городская стража.

Анна переполняла обида. И был ещё стыд – за собственную невнимательность, никчёмность, неприспособленность к жизни. С чем он вернётся в Берёзовый Дол? Что скажет матери – что потерял всё по собственной вине?

Он мчался вперёд, проскальзывая мимо чужих рук, ног, спин, перескакивая через корзины и тюки. Двое стражников вырвались вперёд, рассудив, что опознать вора будет легко: кто убегает впереди них – тот и вор.

Завернув за угол, Анн неожиданно влетел в спину одного из них. Улица перед ними была пуста, никто впереди не бежал, не пытался скрыться. Лишь грязный нищий испуганно вжался спиной в стену дома. Он сидел в небольшом углублении, положив перед собой рваную шляпу для подаяния. Стражники не обращали на него внимания, но Анн мог бы поклясться, что это был тот самый человек, который срезал у него кошелёк. Даже дышал он неровно, как после быстрого бега, хотя и пытался скрыть это, кутаясь в свои лохмотья.

Анн уже открыл рот, намереваясь закричать: «Вот он!

Держите!» – как вдруг нищий так отчаянно посмотрел на него, что мгновенно вспомнились слова отца...

– Слышь, паренёк, а не он ли у тебя что украл? – спросил стражник, подходя к нищему и готовясь схватить его за шкуру. – Этакая рвань на всё способна.

Анн знал, что если он сейчас скажет «да» или просто кивнет утвердительно, то нищему завтра болтаться в петле на потеху городским зевакам.

– Ты приглядишься к нему! – сказал другой стражник. – Что у тебя украли-то? Кошелёк, с которым батька на рынок послал?

Заинтересованность стражника была абсолютна ясна: пойманных они сдавали городскому суду, а из возвращённого добра получали десятую часть стоимости того.

– Нет, то был другой, – сказал наконец Анн. – Это нищий, а у меня украл кошелёк человек, одетый куда как лучше.

Стражники разочарованно посмотрели на сжавшегося человечка, но не стали марать руки, копаясь в его лохмотьях.

– Да, жаль, – сказали они, – не догнали. Ты, если увидишь того, кричи сразу. Свидетели, небось, были на площади? Подтвердят?

– Да, там была добрая женщина, которая видела вора.

– Ну, вот и хорошо.

И стражники пошли назад на рынок.

Анн проводил их глазами. Когда он повернулся к нищему, того уже не было на прежнем месте.

Глава тринадцатая. Антика и Конис

«Ну вот, – подумал Анн, – всего-то и осталось у меня – два пирога. Ни денег, ни ночлега...»

Внутри ворочалось странное чувство – ни лёгкое, ни тяжёлое. И печаль была, и досада, и даже небольшая злость, а вместе с тем – и облегчение от того, что не выдал ничего воришке стражникам. Анн вдруг представил себе весы. На одну чашу положил те несколько монет, что были у него в кошельке, а на другую – целую человеческую жизнь. И ужаснулся тому, что мог сказать: «Да, это он украл». Что его остановило? Неизвестно. Язык сам собой отяжелел и не пожелал ничего произносить.

Анн решил вернуться на рынок и спросить у той доброй женщины, не требуется ли ей какая помощь. Он мог бы носить товар, присматривать за лотком, исполнять поручения, делать ещё что-нибудь. Ей помогать или кому другому. Всего лишь за еду и ночлег.

Возможно, получится.

Анн впервые в жизни ощутил, как за несколько минут меняется весь мир вокруг. Всего лишь полчаса назад он видел те же дома, тех же торговцев и людей, снующих между лотками, разговаривающих друг с другом, идущих мимо по своим делам, видел важных чиновников и обычных горожан, жителей Римона и приезжих, рыбаков, крестьян, гончаров, ма-

стеров и подмастерий, и всё это заливало своим светом всё то же вечернее солнце, но... Анну и люди, и дома, и солнце казались теперь странно чужими, далёкими от его жизни и его беды. Он не смог бы сейчас просто улыбнуться и сказать, как прежде: «Здравствуй, мир»...

Первый же торговец, которому он предложил помощь, только рассмеялся:

– Парень, да я ведь не знаю тебя! Сам посуди: как же я смогу доверить тебе свой товар?

Другой тоже замахал руками:

– На пару дней, говоришь? На пару месяцев я бы, возможно, и взял тебя. А зачем мне связываться с тобой на пару дней? Не так уж много поручений ты выполнишь, а мне тебя кормить и поить. Один убыток...

И даже женщина, подарившая ему пирог с мясом, отказала.

– Если ты за своим кошельком не уследил, то как же уследишь за целым лотком? Лучше тебе домой вернуться.

Анн присел на какой-то камень, лежавший у стены большого дома, и задумался. Скоро начнёт темнеть, люди станут расходиться с площади, улицы опустеют. А попасть на ночлег в городскую тюрьму, в компанию к подозрительным бродягам и преступникам ему совершенно не хотелось.

Выйти из Римона и поискать укромного местечка где-нибудь за городскими стенами? В стогу сена можно замечательно выспаться! А завтра он снова попытается заработать мо-

нетку-другую в городе. Сегодня поужинает одним пирогом, завтра – другим. В общем, не пропадёт!

Из задумчивости его вывели смутно знакомые звуки.

Анн огляделся, ища их источник. Они летели с дальнего конца площади. Музыка была притягательной, её ритм и красивая мелодия так и звали подойти ближе. И он вспомнил, где слышал её!

И его вспомнили... Девушка с роскошными каштановыми волосами, игравшая на мюзете, сразу подмигнула ему, когда увидела среди собравшихся слушателей. Её спутник, с круглой блестящей головой, лишённой волос, был увлечён отбиванием ритма на своём барабане. Он вообще закрыл глаза и вёл свою партию «вслепую», словно бы вживаясь в музыку. Девушка что-то шепнула ему, тогда и он посмотрел туда, где стоял Анн. И по лицу его тоже скользнула улыбка узнавания.

– Снова встретились! – сказала каштановая Антика, убирая свой мюзет в чехол. – Ты здесь с отцом? Как выживаете?

Её спутник, Конис, подсчитывал тем временем монетки, которые им накидали восторженные слушатели.

Анн грустно вздохнул и рассказал о том, что отца вот уже как два года нет в живых, что он приехал в Римон поступать в ученики в гильдию, что его обворовал какой-то нищий...

Антика слушала его, по-женски характерно подперев голову рукой, и кивала. В одном месте она сильно расчувствовалась и полезла за платком.

– Ты извини, мы ведь не знали, – сказала она. – Ходили

слухи, что какое-то чудище кого-то съело недалеко от города, но они так и остались слухами. Мы и подумать не могли, что всё это с вами приключилось.

– Мы тогда выступили у графа, а потом быстро уехали, – вступил в разговор Конис. – Отправились в столицу, колесили по другим городам. В Римон долго не заглядывали. Только сейчас вот решили посмотреть, что тут изменилось, а что прежним осталось.

– И я не бывал здесь, – сказал Анн.

– Сейчас-то что намереваешься делать?

– Не знаю, – сказал Анн.

– Подожди тогда, не уходи никуда!

Антика и Конис отошли в сторону и стали шептаться о чём-то. Потом вернулись, и Антика сказала:

– А не хочешь ли ты присоединиться к нам? На время до твоих испытаний? Мы снимаем комнатку в гостинице «Золотой орёл», можешь переночевать с нами.

– Но ведь у меня совсем нет денег, – напомнил ей Анн.

– Да хозяину всё равно, сколько человек в комнате, так что не волнуйся! Мы поможем тебе, а ты – нам.

– Знаешь, незадача у нас, – снова подал голос молчаливый Конис. – Мы не особенно сильны в грамоте. Мы даже играем, как научились, со слуха. И поём, как запомнили у других. А ты ведь умеешь писать разборчиво и красиво, да? Землемерам же это надо.

– Сможешь записать для нас тексты песен, которые мы те-

бе споём? Недавно познакомились с такими же бродячими артистами, как и мы сами. Кое-что запомнили. Да только песенки ведь совсем новые для нас.

– Мы, конечно, всегда другую строчку придумать сможем, если настоящая забудется, но знатоки на такую переделку обижаются. И денег меньше бросают, – сказал Конис.

– Давай мы споём их, а ты для нас слова запишешь.

«Наверное, есть в мире что-то особенное, что уравнивает все события, – думал Анн, следуя за музыкантами в гостиницу. – Как плохое следует за хорошим, так и хорошее за плохим. Как же здорово, что я встретил их!»

Оказалось, что Антика и Конис умеют играть не только на мюзете и тимпане (так назывался их барабан). В небольшой повозке они возили и изящную лиру, и несколько колоколов и колокольчиков разных размеров, и какие-то гремящие штуки, так и называемые «гремушками», и разнообразные свирели, и лютню, и даже небольшой орган. Конис охотно показал, как можно играть на нём. Орган представлял собой ящик, открытый спереди и сверху, а дно и задняя стенка сходились под прямым углом. По задней стенке шли духовые трубочки, а снаружи к ней крепился мех. На горизонтальной основе располагались клавиши. Конис ухватился за специальную ленту и повесил орган себе на грудь, потом левой рукой взялся за мех, а правую положил на клавиши. И заиграл.

– Ты посмотри на него! – почти закричал он вдруг, указы-

вая на Анна. – Антика, ты посмотри, как у него загорелись глаза!

Анн смущённо потупился.

– Нравится? – спросила Антика.

– Очень. А почему вы не играете на нём? И на других инструментах?

– На площадях мы играем на одних инструментах, в гостиницах – на других, на свадьбы – берём третьи, – объяснила Антика. – Где-то веселимся, а где-то и плачем вместе с людьми. Где-то ликуем, а где-то скорбим. Для каждого случая – своя музыка.

И она рассказала Анну, как они с Конисом путешествуют по королевству, как поют, зарабатывают себе на жизнь, чем живут и чему радуются. И о радостях она говорила всё-таки больше, чем о горестях, несмотря на все трудности, подстерегавшие бродячих артистов.

– Не хочешь попробовать? – спросил Конис.

– Петь с вами?

– Да, я уверен, у тебя бы хорошо получалось.

– Нет, – покачал головой Анн. – Мне нравится ваша музыка, я её чувствую, но...

Он бы при всём желании не смог объяснить, почему отказывается. Имелись, конечно, простые и логичные доводы. Не хотелось бросать мать: как он сможет уехать, когда ей так нездоровится в последние месяцы? Не хотелось идти против воли отца, который когда-то сказал, что не его призва-

ние – потешать публику. И сидело внутри ещё что-то, неясное, но верное, чего Анн не мог выразить в словах, зная только: он не должен был соглашаться.

– Ну что ж, – сказал Конис, – мы не обижаемся. Бывает и так, конечно. Мы вот однажды не поехали в Синдик, хотя там и большая ярмарка проходила, и народ имелся, увеселениями не избалованный, а потом знаешь что выяснилось?

– Что? – спросил Анн.

– Там «чёрная болезнь» началась! Ни въехать в город, ни выехать. Из тех, кто внутри, половина умерла!

– Да, точно, – сказала Антика, – а задержал от поездки туда нас сущий пустяк. Рассказать?

Она хитро посмотрела на своего друга. Тот притворно замахал руками, но Антика уже продолжала:

– Вот этот человек, которого зовут Конис, незаметно от меня успел где-то выпить слишком много крепкого пива, так что у него в тот день жутко трещала голова...

– Жутко трещала! – подтвердил Конис и захохотал. – Я мог только лежать, жаловаться на жизнь и ощущать себя умирающим!

Антика тоже засмеялась.

Это были весёлые люди, и Анну временами казалось, что он знает их так же давно, как они сами – друг друга. С ними было очень легко.

Вечерами они по договорённости с хозяином маленькой гостиницы развлекали в большом зале его постояльцев. Ан-

тика и Конис устраивались со своими инструментами в уголке, чтобы не мешать никому, и негромко наигрывали то грустные, то весёлые мелодии. Иногда один из них выступал вперёд и пел какую-нибудь песенку. Некоторые были знакомы Анну, и тогда он радовался и негромко подпевал. А иные он никогда не слыхивал, и тогда Анн брал в руки перо и выводил изящные букочки на листе бумаги. Писал он умело и успевал запечатлеть все слова, которые слышал. Это вызывало несказанное уважение со стороны хмельных соседей. Они поглядывали на Анна и восторженно цокали языками. Пару песен с очень быстрым чередованием слов Анн не успел записать полностью и оставил на бумаге пустые строчки и пропуски слов. И тогда какой-то дюжий кузнец грохнул кулачищем по столу так, что стол затрещал жалобно, и прогудел в сторону артистов:

– Эй, ребяташки, ваш дружок не успевает. Давайте ещё раз!

А песня понравилась не только ему, но и всем в зале. И все тоже загомонили, требуя повторить. Зазвенели монетки, Конис и Антика поклонились и спели её ещё раз.

*...Главное дело в юности —
Жизнью наслажденье!
Забудем все премудрости
Забудем всё ученье!.. —*

выводили они, лукаво поглядывая на склонившегося над листом Анна.

*...Нам ли над книгой сутулиться
В наши цветущие годы?
Всегда нас ждут на улице
Весёлые хороводы!..*

Так прошёл этот вечер.

Уже за полночь Анн поднялся вслед за своими друзьями в их комнатку. Специально для него в углу положили соломенный тюфяк, на котором он мгновенно заснул.

Глава четырнадцатая. В Гильдии землемеров

И весь следующий день Анн провёл с Антикой и Конисом.

Он помогал им носить инструменты. Держал во время выступлений шляпу, в которую зрители бросали монетки. Первым кричал восторженные слова одобрения. Ему было очень уютно с ними.

А ближе к вечеру они уселись втроём в их небольшой комнатке и стали работать. Анн записывал песни, которые ему пели, в специальную тетрабочку в кожаном переплёте. Иногда он даже подсказывал забытые слова. Это выходило вообще удивительно! Антика смешно морщила лоб, пытаясь вспомнить тот или иной оборот, а их неожиданный помощник его почти сразу угадывал.

– Точно! – восторженно восклицала Антика. – Так и нужно петь. Какой же ты молодец!

Чуть позже Анн набрался храбрости и сказал, что весь куплет, по его ощущению, надо петь по-другому.

Музыканты посмотрели на него заинтересованно.

– Как же ты предлагаешь? – спросила Антика.

Анн показал.

– А ведь что-то в этом есть, – задумчиво протянул Конис.

– Будем петь так, как он предлагает?

– А почему бы и нет?!

– Принято! Записываем дальше! – сказала Антика.

Одна песенка очень понравилась Анну. В ней говорилось о том, как некий человек решил найти дом, где живёт Горе. Он хотел спросить у него, откуда Горе прознало про него. Вот только...

*...Тот, кто хочет Горе найти,
Пусть идёт по такому пути,
Что в никуда уводит,
Нет там тропинок и нет городов,
В садах там никто не бродит,*

*Брось широкую шляпу долой,
Дорожную пыль не мети полой,
Откройся дождю и зною!
Слушай, как гром далеко гремит
И ночью как ветер воет...*

Конис негромко отстукивал ногой синкопу, из-за этого ритм музыки делался особенно выразительным, а Антика вела основную мелодию на певучей свирели. На вторых долях она ловко меняла гармонию, и интонация песни из утверждающей вдруг становилась какой-то вопросительной, грустной. А затем мелодия поднималась высоко вверх, растворяясь и застывая воспоминаньем...

– Ах, как мне нравится здесь чистая квинта! – сказала Ан-

тика. – Совершенный консонанс!

– Это вы сочинили? – спросил их Анн.

– Нет, что ты! Мы бродячие музыканты, но не сочинители. Мы ловим мелодии, запоминаем слова, но очень-очень редко сочиняем что-нибудь сами. Ну, может, пару песенок и сложили. Таких, чтобы петь и пить. Хмельному люду они нравятся.

– А эту мы из южных краёв принесли, – сказал Конис, – там в одной таверне сидел странный и грустный человек. Вот как сейчас перед глазами: в тёмной одежде, с внушительной шпагой на поясе, дворянин. Сидел, молча пил, пока мы выступали, а потом вдруг поднялся, к нам подошёл и сказал, что играть, на какой мотив. Мы играли, а он пел. Для самого себя пел.

– Мы так удивились, что даже не спросили его имени! – добавила Антика. – Впрочем, он бы и не ответил, я думаю.

– Да, вид у него был не располагающий к общению.

– А вот слова запомнились мгновенно.

– Я тоже их знаю, – сказал Анн.

– Так в чём же дело? – спросила Антика. – Пой тогда!

И они снова заиграли чудесную мелодию.

Анн запел. Выходило не очень умело, как ему казалось. То он опаздывал, и мелодия убегала вперёд, то, наоборот, проглатывал некоторые слова, так что нужные звуки не успевали за ним. Хорошо, что песня была длинной. Постепенно он и музыка нашли друг друга и дальше летели вместе. Анн

видел, как улыбается ему Антика и как одобрительно кивает Конис.

*...И Мастер Зла среди этих гор,
В кузне своей с незапамятных пор
Ветры ковал лихие
И посылал их твёрдой рукой
На города чужие.*

*Только однажды случилось так,
Что появился в горах чуждак,
Он ничего не боялся,
Мастера сам он зачем-то искал
И ветрам его смеялся...*

Он допел балладу до конца, и музыканты бросились обнимать его. Анн смущённо отбивался, но они не унимались.

– Эх, зря ты не хочешь выступать с нами, – сказала Антика, – получалось бы хорошо!

В ночь перед испытаниями Анн почти не спал. Вечером он снова сидел вместе с музыкантами в большой трапезной зале. Готовили здесь вкусно, да и пиво было хорошим, поэтому постояльцы не торопились спать. Когда все уgomонились, до рассвета было уже совсем ничего. В голове у Анна смешались друг с другом мелодии, картографические знаки, обрывки правил и законов, так что он и понять не мог, сон ли

у него перед глазами или явь.

Полежав немного, он прислушался к звукам за окном. Первые птицы осторожно подавали голоса, где-то звенел ручкомойник...

Он посмотрел на друзей. Конис жизнеутверждающе храпел на своей кровати, в лад ему сопела Антика. Анн поднялся с соломенного тюфяка и бесшумно стал одеваться.

До здания Гильдии он добежал быстро. К его удивлению, оказалось, что в ученики поступают не одни только мальчишки. Перед тяжёлыми створками переминались с ноги на ногу и взрослые парни. Был даже бородатый дядька с большими крестьянскими руками.

Наконец, испытуемых пригласили внутрь.

С замиранием сердца Анн вошёл под своды Гильдии. В довольно мрачном зале их ждали мастера-экзаменаторы. Всех разделили на три группы, по числу мастеров, и повели в разные комнаты этого большого дома. Анн оказался в одной группе с тем самым мальчиком, которого видел два дня назад, когда разговаривал с привратником.

– Как тебя зовут? – спросил мальчик.

– Анн. А тебя?

– Мерикль.

– Страшно?

– Немножко. Ты не знаешь, какими будут испытания?

Отец не рассказывал тебе? Он ведь у тебя землемер?

– Нет, не рассказывал, – ответил Анн. – Он умер раньше,

чем я решил поступить в ученики.

– А, понятно. Мой отец говорит, что всё будет нормально, раз он взнос сделал, но я всё равно волнуюсь.

Первым оказалось задание... написать своё имя и название того места, откуда испытуемый был родом. Анну показалось, что это шутка, но мастер-экзаменатор был абсолютно серьёзен. Тогда Анн вытащил из сумки лист бумаги – а приходили все со своей бумагой и своими писчими принадлежностями – и начал старательно выводить буквы. Мерикль последовал его примеру.

А вот двое из их группы сидели и растерянно молчали.

Наконец один из них, нескладный парень с грубыми чертами лица, пробасил:

– Да зачем это нужно? Мы ведь землю измерять хотим, а не азбуку для детишек писать!

– А умеешь ли ты вообще писать, друг мой? – проникновенно спросил мастер, который видывал и не таких скептиков.

– Умею, но не буду, – покраснев, заявил парень, сложил руки на груди и нагло уставился на мастера.

Мастер-экзаменатор спокойно позвонил в колокольчик. Появились два привратника. Они подхватили неграмотного упряма под руки и вывели в коридор.

Мастер прошёл по рядам, заглядывая в написанное. При виде некоторых каракулей он поморщился, но ничего не сказал.

– Уф, кажется, справились! – прошептал Мерикль.

Вторым шло задание начертить план и высчитать площадь небольшого участка. Мастер-экзаменатор вывел их на задний двор Гильдии и показал измеряемый кусок земли. Давался на это час. Вроде бы и много времени, но ведь надо ещё и подумать, с чего начинать: то ли сначала все стороны измерить и отдельно цифры записать, а затем в масштабе рисовать, то ли рисовать сначала, а затем цифры подписывать рядом с отрезками. Мастер сказал просто: начертите план и запишите его площадь. А как чертить...

Все разбрелись кто куда.

Одни старательно вышагивали от заборчика к заборчику, от стены здания к виноградной изгороди на другой стороне, высчитывая и записывая в тетрадь количество шагов. Другие на глаз рисовали участок в целом, рассчитывая детали добавить позже. Анн подумал и решил, что сначала измерит части. Только сделать это надо не в шагах. В книгах отца измерения никогда не приводились в шагах. Там всегда речь шла о стадиях.

Проблема была в том, как соотнести длину своего шага со стадием. И Анн вспомнил: с помощью повозки! Этот секрет ему однажды открыл отец. Здесь, на заднем дворе, стояла повозка, длина которой равнялась точно пяти стадиям! Анн прошёл от её заднего бортика до переднего сиденья и насчитал десять своих шагов. Теперь он знал, как сделать точный чертёж участка!

Мерикль с насмешливой улыбкой наблюдал за ним.

– Ты собираешься повозку вместо плана рисовать? – спросил он.

– Смейся, смейся, – сказал ему Анн. – Только подумай, что ты потом на плане писать будешь. Одна ерунда выйдет. Расстояние от двери до изгороди – «сто сорок шагов»? А каких шагов – больших или маленьких?

Мерикль перестал смеяться и задумался.

– А ведь ты прав! Что же делать?

– Я тут вспомнил одну штуку...

Мерикль не стал ломать голову, а просто списал цифры у Анна, подглядывая в его схему, пока Анн старательно чертил план. Кроме него, до перевода шагов в стадии не додумался, кажется, никто.

А напоследок всем раздали самое сложное задание.

Требовалось быстро ответить на вопросы мастера-экзаменатора и записать ответ на листе. Некоторые из испытуемых довольно уверенно писали что-то в своих листах, хотя большинство сидело с растерянным видом. Мастер-экзаменатор спрашивал такие вещи, о которых Анн и не слышал. «Кто имеет преимущественное право на участок в случае спора – потомственный горожанин или дворянин, служащий королю»? «Если границы участка изменились (уменьшились) в результате стихийного бедствия, может ли хозяин претендовать на его увеличение за счёт государственной казны?» Вот такие вещи спрашивали у пришедших.

Потом у всех собрали листы и выставили на улицу.

– Ждите! – сказал привратник. – Результаты объявят и вывесят на дверях к вечеру.

Мерикля и других мальчиков встречали отцы, взрослые отправились в ближайший трактир, один Анн не знал, куда себя деть. Антика и Конис выступали на площади, но ему не хотелось видеть их до того, как объявят результаты экзамена. Подумав, Анн спустился к реке, чтобы посмотреть на портовую жизнь: на то, как таскают корзины с рыбой, какие товары привозят с низовьев, как грузят на суда кожи местной выделки. Когда солнце миновало зенит, он вернулся к Гильдии.

Привратник вышел из-за дверей и обвёл суровым взором собравшихся. Пожевал губами и резким голосом стал выкрикивать имена тех, кто был принят. Анн надеялся, что попадёт в число счастливчиков. Однако имя выкрикалось за именем, а его – не было. Вот, не сдержавшись, какой-то Плассен завопил от радости. Запрыгал торжествующе некий Вертиур, на вид – недотёпа недотёпой. Изумлённо охнул обрадованный Мерикль...

Привратник прицепил лист с именами к двери и сказал: – Успешно прошедшие испытания, добро пожаловать в Гильдию! Мастера-землемеры завтра утром будут знакомиться с вами.

И скрылся за этой самой дверью.

Глава пятнадцатая. Путь в Школу господина Фланка

В Берёзовом Доле наступила жаркая пора: делали заготовки на зиму. Не зря этот месяц называли ещё зарничником – зори сделались яркими и холодными, так что по всему телу пробегали мелкие мурашки, когда рано утром Анн выскакивал из тёплой постели во двор.

Старики говорили, что это даже хорошо: зима будет хорошей, ровной, без ошеломляющей стужи. «Серпы греют, а вода холодит», – важно изрекали они с высоты жизненного опыта.

С огородов убрали чеснок и лук. В сарае подсушивались под крышей сплетённые из них косички.

Вернувшись в Берёзовый Дол, Анн сразу же включился в работу. Обрезал вместе с матушкой засохшие побеги на малине. Собрал первые спелые плоды с яблонь и груш. Убрал падалицу.

Ещё пересаживали цветы. Некоторые страсть как не любили находиться на одном месте два года подряд. Прямо как люди.

Много возились на грядках. Рыхлили их, посыпали удобрениями, торфом, потом перекапывали, ровняли, поливали...

...Конис и Антика недоумевали, узнав о его провале.

– Мы, конечно, сами не грамотеи, но почему они тебя не взяли?! – возмутился Конис. – Ты же имя своё им написал?

– Написал.

– И понятно же написал? Нам-то вон какие длинные тексты записывал, любой их прочесть сможет!

– И площадь участка посчитал?

– Да, вышло почти пять с половиной тысяч квадратных стадиев.

– И ты сам сказал, что, кроме тебя, никто не додумался до этого!

– Теперь уже сомневаюсь, – вздохнул Анн. – Вдруг это другие написали правильно, а я нет? Мерикль принят, а он у меня всё время совета спрашивал.

– А третье испытание вообще глупое! – воскликнула Антика. – Ну разве может не мастер и ещё даже не ученик знать такие подробности в законах и обычаях?! Я уверена, что они это сделали специально!

– Чтобы отсеять неудобных? – спросил Конис.

– Конечно!

Антика попросила повторить разговор с привратником. Анн стал вспоминать подробности.

– Вот! Вот! – закричала девушка, перебивая его. – Вот причина, почему ты не принят!

– Ты не сделал взноса в Гильдию, – сказал Конис, уловивший нехитрую связь между событиями. – А отец твоего Ме-

рикля сделал. И даже если бы ты ответил на все вопросы, тебя не взяли бы. Никакой мастер не будет учить тебя просто так, за свой счёт.

– А что же правила Гильдии? – спросил Анн. – В них ведь сказано, что от взноса освобождаются...

– Да они для простаков, вроде тебя, написаны. Отец-землемер, знакомый с обычаями, всё равно сделает за сына взнос. Иначе и ему придётся учить кого-нибудь бесплатно.

В этом и была жизненная правда, понял Анн.

Он провёл в Римоне ещё два дня. Не то, чтобы ему не хотелось домой, но он совершенно не знал, как обо всём рассказать матери. Затем всё же решился. Конис купил ему место в почтовой карете, а Антика сунула несколько монеток в карман. На почтовой станции они обнялись, расцеловались и немножко прослезились.

– Кто знает, может быть, ещё встретимся, – сказала Антика, а Конис кивнул ободряюще.

– Будем проезжать через твою деревню, найдём тебя обязательно!

– Я так счастлив, что познакомился с вами! – искренне сказал Анн. – До свиданья, друзья!

– До свиданья!

Мать, против его ожиданий, не очень огорчилась. И больше не заговаривала о Римоне и о Гильдии.

Зато заговаривали другие.

– Неудачник! – частенько кричали ему вслед злые маль-

чишки. – Не смог пройти испытания! Неудачник!

Даже Нель стала относиться к нему немного иначе. Она, конечно, посочувствовала ему. «Кто же мог предугадать, что они такими нечестными окажутся!» Но и только. Анн даже подумал, что ей было бы приятнее дружить с будущим землемером, чем с неудач...

А ещё она по-прежнему бегала на свиданья, и мысли её частенько оказывались занятыми другими. Анн понимал её, хотя бывало грустно в такие моменты.

В самом начале осени произошло событие, переменившее многое.

Антика подарила ему простенькую свирель и показала, как с ней обращаться. Анн на удивление быстро освоил её.

– Твой инструмент! – засмеявшись, сказала Антика.

Как только выдавалась свободная минутка, Анн тянулся за свирелью. Иногда Нель просила его изобразить «что-нибудь такое». К ним заглядывали и подружки Нель – послушать.

Он брал свирель и в свои походы к Бобровым Ручьям. Прислушивался к гулу деревьев, шелесту листьев, шороху травы, а потом осторожно вплетал в симфонию мира свой голос.

Вот там всё и случилось.

В тот раз Анн не стал забираться далеко. Его с самого утра переполняла внутренняя музыка. Он расположился под деревом недалеко от дороги и стал подбирать мелодию, кото-

рую вечером хотел подарить Нель.

И вдруг на полянке, где он сидел, появилась группа ухмылявшихся парней. Возглавлял её Смели.

Взгляд недруга упал на свирель.

– Так, и что же это такое? – спросил он, указывая на инструмент.

– Свирель, – коротко ответил Анн, выбиравший между бегством и надеждой на мирное общение.

Пока он думал, ему зашли за спину, и бежать уже не было никакой возможности.

– И зачем она тебе? Общаться со злыми духами?

– А правда, Смели, – толкнули главара в бок, – вдруг он на нас порчу наведёт сейчас?

– Да перестань, – расхохотался здоровяк, – злые духи по ночам сильны! А сейчас день, и мы никого не боимся!

– Я не общаюсь со злыми духами, это враньё, – сказал Анн.

– Ты меня во враньё обвиняешь? – нахмурился Смели, выискивая, к чему бы прицепиться.

И нашёл.

– Ты сам врёшь! Ты всем рассказываешь, как любишь лес, а сам деревья ломаешь! Для того, чтобы из них такую ерунду делать!

И он торжествующе выхватил из рук Анна свирель, подняв её над головой. Свирель была сделана из сухого камыша, но Смели это не интересовало. Он хотел унижить Анна, а ещё

сделать так, чтобы девушки в деревне не перешёптывались о его мелодиях.

– Отдай! – вспыхнул Анн.

– Расслабься, – сказал Смели, толкая его в грудь. – Никогда больше ты не станешь лицемерить! Я тебя проучу!

Он взялся за свирель двумя руками и переломил её.

– Вот так.

И бросил на траву.

Что случилось после этого, Анн помнил плохо.

Кажется, он набросился на Смели с такой яростью, что тот испугался. Смели был выше на голову и тяжелее, но Анн вцепился в него мёртвой хваткой – и бил, бил, бил. Когда не хватало рук и ног, он пытался даже кусать его. Смели наносил тяжёлые удары в ответ, но никак не мог стряхнуть его с себя. Анн ничего не чувствовал. Чудесный инструмент, подарок Антики, был сломан!.. И кем!..

Когда он пришёл в себя, рядом никого не было. Анн сидел под тем же деревом. Кровоточила разбитая губа, под глазом наливался впечатляющий синяк. На траве валялись две половинки свирели...

Мать дома ахнула.

– Кто тебя так? – негромко спросила она.

– Никто, – буркнул Анн. – Ему тоже досталось.

Мать вздохнула и пошла за холодной водой, чтобы промыть разукрашенные кровью и грязью ссадины. Очень болел разбитый рот. Только слёзы выступали на глазах не от это-

го...

«Может быть, её кто-нибудь сможет починить, – думал Анн. – А нет, так я всё равно сохраню её! На память о моих друзьях...»

Когда лицо зажило, он подошёл к матери, которая вязала у окна.

– Ты хочешь мне сказать что-то? – спросила она с тревогой.

– Да, мама. Я теперь знаю, что мне делать.

– Вот это и случилось, – прошептала она едва слышно, – я знала всегда, что так будет. Мальчик вырос.

И уже к нему:

– Ты решил...

– Я пойду в ту школу, мама. В ту, которая в горах, на пути в Римон. Я видел в гостинице охранника. Он учился там. И я тоже хочу учиться. Потому что в мире должна быть справедливость!

– Прямо сейчас? – спросила испуганно мать.

– Нет, завтра. На почтовой карете я проеду половину пути. У меня есть несколько монеток, чтобы заплатить вознице.

Мать прижала его к себе и заплакала. Потом сказала:

– Я испеку тебе хлеба в дорогу. Ты ведь уже всё решил.

– Да, решил.

Вечером он увидел Нель.

Та подошла к забору, разделявшему их участки.

– Очень больно было? – спросила она, разглядывая его

синяки.

– Пустяки, – отмахнулся Анн. – Нель, я сказать хотел. Я ухожу.

– Куда?!

– Неважно. Ты просто знай, что я не убегаю. Я сам ухожу.

– Да я всегда знала, что ты не трус! Смели тоже досталось, если тебе интересно. Он два дня не показывался на улице.

– Я не делал ему ничего плохого, но он не любит меня.

– Потому что ты другой, я говорила тебе.

– Неважно.

– Я буду скучать по тебе, Анн, – сказала Нель.

– Я тоже буду по тебе скучать.

В дорожную сумку Анн сложил перевязанные ленточкой обломки свирели, сменную одежду и разные безделушки. Ещё взял одну из книг отца. У отца все книги были с цифрами и чертежами, а в этой страница за страницей бежали стихи. Они очень нравились ему. Жаль, что первую страницу из книги кто-то вырвал. Именно ту, на которой ставят имя поэта.

На следующий день он доехал на почтовой карете до места, где от большого тракта в сторону прибрежных скал уходила неприметная дорога. Кучер придержал лошадей, Анн спрыгнул на землю, помахал ему рукой и зашагал вперёд, в полную неизвестность.

Часть II. Лебединый Стан

Глава первая. Школа Фланка. Первые впечатления

Его разбудил звон колокола.

Анн ещё дома привык к ранним подъёмам. Нужно было помогать матери в её заботах по дому. Так что и здесь он всегда оказывался одним из первых, кто говорил «здравствуй» новому дню.

Обитатели Школы собирались на обрывистом склоне, с которого открывались чудесные пейзажи: далёкая степь, голубая ленточка Чёрной реки, выющаяся между прибрежных лесов, дымка горизонта, неторопливо расцветивавшаяся утренним солнцем... На небольшой площадке, закрытой от ветра, все сначала выполняли специальные упражнения, а затем усаживались на плетёные коврики и погружались в состояние, похожее одновременно на сон и на бодрствование. Когда мастер впервые стал рассказывать Анну, что надо делать, он не совсем понял и просто сидел с закрытыми глазами, подражая другим. Спина устала очень быстро, а потом и вовсе потянуло в сон. В себя его вернул довольно увесистый шлепок.

– Зачем ты закрыл глаза? – спросил мастер.

Анн задумался.

– Они же сидят с закрытыми, – сказал он и показал на остальных.

– Так ведь это же они, а не ты! – рассмеялся мастер. – Подумай над этим и продолжай.

Ещё раз хлопнув его по спине, он отошёл. Было чувстви-

тельно.

Анн смотрел на реку, утекающую туда, к югу, где была его деревня. Прошлая жизнь казалась почти ненастоящей. Вместе с тем она всё равно – была, и Анн знал, что его прошлое никуда не исчезнет. Ему вспоминались лица знакомых из Берёзового Дола, лица Нель, матери, Смели, старосты... Вспоминались встречи, разговоры. Река словно бы связывала его настоящего с тем, каким он был когда-то. Он представил, как она течёт, изо дня в день, с севера на юг, и как текла до него и будет течь после – ровная, стремительная, самодостаточная. Вспомнил, как когда-то купался в ней. А ведь некоторые из здешних обитателей не умели плавать! В местах, откуда они пришли, совсем не было больших рек.

Вспомнилось, как он сам появился в Школе.

...Пробираясь по тропинке, делавшейся всё более узкой, он мысленно репетировал речь, которую собирался произнести. Нужно было найти такие слова, чтобы всё получилось. Не мог же он просто прийти и сказать: вот его побили, поэтому он хочет научиться парочке секретных приёмов и прочить своего обидчика! Честно говоря, он и не собирался заново драться со Смели. Даже если научится.

На что же тогда он рассчитывал?

Он поднимался по исчезающей тропинке всё выше и выше. Вокруг не встречалось ничего примечательного. Редкие любопытствующие, наверное, до этих мест ещё добирались, а потом уже ни у кого не находилось охоты карабкаться даль-

ше по скалам.

А вдруг и он не пройдёт? Вдруг его не пустят, как не пустили сына старосты (Анну пришла на ум давняя история)?

Он тряхнул упрямо плечами и отмёл от себя эту мысль. Нет, он постарается, чтобы его взяли в Школу. И пусть он не представляет себе, за какие заслуги в неё принимают, но он попадёт туда!

Он забирался всё выше по светлым осыпям, находя глазами едва заметные следы прошедших тут до него. Затем тропинка нырнула в расщелину между двумя скалами, и Анн, к своему удивлению, оказался в довольно живописном месте. Здесь рос не только сухой и колючий кустарник, но и высокие деревья, под которыми было много тени. Тропинка убежала дальше, и Анн пошёл по ней.

Через несколько минут он наткнулся на человека в простой белой одежде. Тот нёс куда-то вязанку хвороста. Человек остановился и внимательно посмотрел на него.

– Я пришёл, чтобы учиться, – сказал Анн.

Некоторое время оба молчали. Потом человек с хворостом сделал ему знак следовать за ним.

«Интересно, он умеет разговаривать? – подумал Анн, глядя ему в спину. – И где та стена, о которой рассказывал сын старосты?»

Странно, но его никто не собирался пытаться вопросами. Они оказались на открытом пространстве, среди небольших домиков, выбеленных и опрятных. Чуть поодаль возвыша-

лось здание в три этажа. На башенке над ним развевался флаг со знакомой Анну эмблемой – тремя стилизованными горами.

– Это Школа? – выдохнул Анн.

– Да, это она, – впервые раскрыл рот его спутник, относя вязанку хвороста к стене одного из домиков.

Анн прислонился к бочке с водой, чтобы преодолеть внезапную слабость в ногах, и стал ждать. Сердце у него выпрыгивало из груди. Каким окажется главный человек здесь?

Об Учителе ходили разные слухи. Например, такой: он якобы никогда не говорил родителям, чему собирается учить их детей. Однажды мастер из Школы сидел в римонском трактире и обедал. И какой-то горожанин подвёл к нему своё чадо. Извинившись за беспокойство, он попросил принять мальчика в Школу. «Для чего?» – удивился мастер, отрываясь от похлёбки. – «Мне хотелось бы, чтобы сын стал добрым плотником», – объяснил родитель. – «Неужели у вас в Римоне нет того, кто бы обучил его плотницкому мастерству?» – спросил резонно мастер. – «Есть, – отвечал родитель, – но я слышал, что в Школе учат особенным вещам». Мастер хмыкнул и продолжил трапезу. Горожанин истолковал молчанье по-своему и заговорил о деньгах. Мастер прервал его: «Учитель сам решит, сколько с тебя взять и когда, – сказал он. – Однако твой сын может удивить тебя, когда вернётся». Родитель обрадовано упал на колени перед человеком и принялся целовать ему руку. Тот досадливо отмахнул-

ся. «Я всего лишь возьму твоего сына с собой, это не труд».

Через несколько лет вместо плотника к отцу вернулся из Школы... садовник.

Правда, здесь следовало бы добавить, что садовником он оказался замечательным. Деревья под его присмотром всегда зеленели и приносили обильные плоды, трава не сохла, а изгороди радовали глаз самого взыскательного ценителя красоты.

А ещё был случай, когда из мальчика хотели сделать «учёного» человека. Так вот загадочный Учитель отправил его осваивать... мастерство каменщика, и парнишка вместо чтения книжек день за днём лазал по скалам, изучал каменные породы, а вечерами долбил их своими инструментами, высекая бруски для мостовой. Ну что за странный поворот судьбы?!

Анн посмотрел на дорожку перед собой. Вот эти бруски тот ученик, наверное, и делал. Аккуратные, с ровными гранями, старательно уложенные, они легко пропускали дождевую воду между собой, вниз. Здесь никогда не бывает ни луж, ни грязи.

На него никто не обращал внимания. В дальнем конце двора небольшая группа мальчиков выполняла какие-то странные упражнения. Они делали плавные движения руками, поворачиваясь из стороны в сторону. Переступали с ноги на ногу, приседая и поднимаясь. «Это будущие охранники!» – догадался Анн. Такие же, как тот, которого он видел

однажды в римонской гостинце.

В другом конце двора мыли овощи, очевидно, для вечерней трапезы. Вода в мойки стекала по жёлобу, тянувшемуся откуда-то сверху, от скал. Наверное, совсем близко находился источник с чистой водой.

Ещё какой-то старик тащил в загон упирившегося ослика. Ослик громко возмущался и не желал идти дальше. Анн решил помочь. Он приблизился к «погонщику», оказавшемуся в затруднении, и с удивлением узнал в нём того старика, которого однажды встретил в лесу у Бобрового Ручья. Незнакомец тоже узнал его.

– Вот, видишь, какой непослушный! – весело сказал он, показывая на ослика. – Мы с ним справимся, как думаешь?

– Справимся! – ответил Анн, радуясь тому, что встретил здесь хоть какого-то знакомого человека.

Они вдвоём ухватились за поводок и завели животное в небольшой загончик. Ослик, казалось, понял, что сопротивление не имеет смысла, и почти добровольно пошёл в своё жилище.

– Спасибо, – сказал незнакомый старик.

– Я Анн, из Берёзового Дола.

– Я помню. Мы ведь встречались.

– Да, я только не ожидал, что встречу Вас здесь. А это Ваш ослик?

– Мой, я иногда езжу на нём по окрестностям. Моё имя Фланк.

– А я жду Учителя, – сказал Анн. – Я хочу поступить в Школу.

– А зачем? – удивился старик. – Ты хочешь чему-то научиться здесь? Разве у тебя дома нет школы?

И тогда Анн, почувствовав вдруг безотчётное доверие к новому знакомцу, выложил ему всё, что было на душе, просто и без прикрас.

– Вот так и выходит, – сказал он в конце, – я чувствую, что всё не так, как должно быть. Как-то неправильно получается многое, а что изменить, что сделать – не знаю. И даже если знаю, то не получается. Или сил не хватает.

– Были бы силы, надавал бы, как следует, этому Смели? – улыбнулся старик, поглядывая на него искоса.

– Вряд ли это помогло бы! – искренне сказал Анн. – Я не думаю, что он изменится от полученных тумаков.

– А тут нравится? – поинтересовался Фланк, меняя тему. – Хочешь, я покажу тебе одно место? Не волнуйся, мы потом вернёмся, тебя никто не потеряет!

– Стену хотите мне показать?

– Какую стену? – удивился Фланк.

– Так ведь тут должна быть стена с воротами! – удивился в свою очередь Анн. – Сын старосты из нашей деревни пришёл сюда и долго стучал в эти самые ворота, а его не пускали. И в школу не взяли...

– Не знаю я никакой стены, – пожал плечами Фланк. – Наверное, он в другое место приходил.

И засмеялся. Секрет, значит, всё-таки был, только Анну предлагали разгадать его самостоятельно.

Фланк вывел его как раз на обрыв над рекой. Солнце почти скрылось за верхушками скал, и на глазах река темнела, из ярко синей превращалась в... чёрную! «Вот почему ей дали такое имя!» – понял Анн. Когда-то давно первый человек пришёл сюда на закате. И увидел чёрную реку.

– Нравится? – спросил старик, стоя рядом и внимательно наблюдая за Анном. – Я здесь частенько сиживаю. Или вон туда забираюсь, повыше.

И он показал на дорожку, которая вела куда-то дальше, за площадку. Чтó там, Анн постеснялся спрашивать. Если его примут, он и сам посмотрит.

Вдруг вспомнилось:

*Вода утекает, как дни, как пространства,
Когда – голубая, иной раз – зелёная,
Знакомое полнится непостоянством,
Едина земля, но – водой разделённая...*

– Откуда ты знаешь эти строки?! – старик выглядел потрясённым.

– Прочитал в книге, которую нашёл в шкафу, – сказал Анн. – А кто автор – не знаю, увы.

– Ты не обманываешь меня?

– Там вырвана первая страница!

– Я тоже читывал эти стихи, – признался старик. – Правда, давненько это было, позабыл уже, кто их написал. Ну, неважно...

В этот момент к ним подбежал какой-то мальчик и, поклонившись, почтительно обратился к спутнику Анна:

– Учитель, Вы будете сегодня проводить у нас занятие?..

Глава вторая. Учитель и ученики

Так Анн оказался в Школе.

Фланк ещё засмеялся:

– Не ожидал: Великий Учитель таскает по двору осликов туда-сюда? А вот случается...

– Да, не ожидал, – честно признался Анн. – Мне ведь сказали ждать. Мол, меня позовут...

– Так я и позвал, разве не так? Ослика мы в загон отвели, на реку полюбовались... Чего же ещё?

– А испытания разные?

– Ты их так успешно прошёл, что даже сам того не заметил!

Чуть позднее Анн узнал от других учеников, что никаких формальных испытаний в Школе вообще не было. К пришедшим просто присматривались, однако присматривались своеобразно. Только завершая обучение и выходя в большой мир, бывшие ученики понимали, почему их приняли, а не отвергли в самом начале. В Школе у каждого рождался свой путь, со своими вопросами, и заранее подготовиться к ним было невозможно.

Кстати, «стена», за которую не пустили сына их старосты из Берёзового Дола, действительно существовала – в воображении самого пришедшего! Вот такая магия.

В общем, в Школу приходили те, кому она действительно

но была нужна. А искатели лёгких путей и лёгкой наживы слышали обидные слова от охранников... Иной раз пытались силой вломиться в приотворённую дверь, но только ничем хорошим для них это не заканчивалось.

Совсем недавно, сидя в библиотеке, Анн наткнулся на интересный трактат досточтимого Намьяла. «О распознавании людей», – прочитал он название. Открыл книгу, полистал, на одной страничке остановился. По книгам можно особенным образом «гадать»: наугад выбираешь страницу и строчку, а потом – удивляешься совпадению вопроса из жизни и ответа из книги. И в этот раз случилось так же, незнакомый автор шепнул ему через века: «Духовного человека распознают не по тому, что он говорит, и не по тому, каким он кажется. Его узнают по той атмосфере, которая создаётся в его присутствии. Она является свидетельством, ибо никто не в состоянии создать атмосферу, не принадлежащую его духу».

Многие из проходящих упирались в стену потому, что таким был их собственный дух.

Когда Анн поделился своей догадкой с Учителем, тот одобрительно похлопал его по плечу.

– Так и есть, – сказал он. – Мы бы не смогли ничему научить их здесь. Мы закрыты для них, а они для нас, и не по нашей вине.

– Учитель, а почему Вы решили учить того мальчика искусству садовника, а не плотника? – спросил Анн.

Фланк, как оказалось, хорошо помнил давний случай.

– Его родители видели в сыне только того, кто станет им опорой в старости, кто будет замечательно перекрывать дома, вставлять оконные рамы в стены, мастерить столы и стулья и иметь хороший доход... А я ощутил в мальчишке совершенно другое. Он лучше чувствовал магию жизни, а не смерти.

– Магию жизни?

– Я обратил внимание на то, с какой нежностью он касался стволов этих деревьев, – и Фланк показал рукой на клёны, росшие перед окнами библиотеки, – словно бы он чувствовал их душу. Никак не получалось увидеть в мальчишке человека, который бы стал рубить их, отсекал сучья, распиливать, выжигать... А вот того, кто будет подвязывать слабые ростки к колышкам для опоры, кто будет поливать и удобрять их весной, кто будет волноваться из-за порывших листьев или изъязвлённых болезнью веток, я увидел! В мальчишке крылась невероятная магия жизни!

– Я слышал, что он сейчас лучший садовник в самой столице.

– Вот видишь!

– А того, кто мостил наш двор, почему Вы сделали каменщиком?

– Ого, ты и о нём знаешь? – удивился Фланк.

– Да, старшие ученики рассказывали.

– А вот вспомни, что ещё они рассказывали!

Анн подумал.

– Он был очень строгий. Даже не строгий, а... – Анн за-
пнулся, подбирая слово, – а упорный, целеустремлённый...
Нет, всё равно не так! Не могу вспомнить точно.

– А что он любил делать, когда мостил здесь простран-
ство?

– Мне говорили, что он заранее расчерчивал землю, вби-
вал колышки, протягивал верёвочки, заранее рисовал пла-
ны. И каждый брусок, который он укладывал на землю, был
так старательно обтёсан, что всем казалось, будто он укла-
дывает в ряд камни-близнецы.

– А его привели сюда, чтобы он стал учёным, – сказал
Фланк.

– Разве из него не получился бы учёный?

– Получился бы, но плохой. Строгий догматик, приверже-
нец одной-единственной истины, не умеющий искать иные
возможности.

– Но почему тогда – «каменщик»?! – воскликнул Анн,
не понимая странной логики Учителя.

– Он мостит людям дороги к знаниям, – сказал просто
Фланк. – Его привели, чтобы он жил рядом со Знанием, вот
он и живёт на дорогах к нему. И он ведь тоже – счастлив?

– Да, – признал Анн. – Мне рассказывали, что улица в обе
стороны от городской школы в Римоне вымощена с его по-
мощью.

– А ведь до того перед школой частенько стояли грязные

лужи, – добавил Фланк. – До нашего несостоявшегося «учёного», но замечательного мастера, чувствующего дух камня.

Сам Анн уже четвёртый год не переставал удивляться тому, как Фланк аккуратно и вместе с тем упорно вёл его к чему-то важному.

«Будь текуч – как вода, отзывчив – как эхо, спокоен – как зеркало и невозмутим – как тишина... Ты готов?» – спросил его Учитель. Ему отвели комнатку в доме младших учеников, дали новую одежду – с замечательной эмблемой в виде трёх гор. Мастер, который его встретил, объяснил значение сигналов, которыми созывали на тренировки, занятия, трапезы...

Вопреки ожиданиям, его никто не собирался учить разбивать камни или ломать толстенные доски. Ему не показывали, как надо валить наземь сразу трёх-четырёх человек или прыгать на пару метров в высоту. Вместо этого Учитель зачем-то поручил ему найти в окрестных скалах несколько птичьих гнёзд. Анн должен был ещё нарисовать план местности и крестиками отметить свои находки.

– Учитель, но ведь птицы могут не вернуться к своим птенцам, если увидят, что я побывал у их гнёзд, – удивлённо сказал Анн. – Как же Вы поверите мне, найдя вместо яиц или живых птенцов место смерти и забвенья?

– Ты ведь только что собирался быть текучим и отзывчивым, – сказал Фланк. – Если твои шаги в скалах превратятся в шум ручья, а дыхание станет подобным лёгкому ветру,

птицы не испугаются тебя.

– Я понимаю, – кивнул Анн.

Такие задания давал ему Фланк.

И Анн учился ползать по скалам, учился сливаться с окружающим миром. Помогало ему и умение подражать голосам птиц и животных. Он кричал успокаивающие слова на языке ласточек, пробираясь мимо их колоний, и они не обращали внимания на странного человека.

Удивительное дело: Учитель особенно и не спрашивал о том, нашёл ли мальчик птичьи гнёзда, много ли их ему встретилось. Да и вместо составления чертежей он предложил Анну рисовать.

– С такими «планами» тебя, ясное дело, не приняли бы ни в одну школу землемеров, – сказал Фланк, – но ведь здесь ты учишься совсем не картографии. Интересно узнать, что ты *увидел* там, наверху.

Он расспрашивал более об эмоциях Анна, нежели о соположении тропинок, ручьёв, расселин и обрывов. Спрашивал, какой ему виделась степь на востоке, видна ли река с того или иного места, и чем «одна» река отличается от «другой». Спрашивал о теплоте камней, за которые Анн иной раз хватался руками, чтобы не сорваться вниз. Его интересовали звуки: как шелестят колючки на скалах, какими на вершинах слышатся далёкие голоса, удары молота в кузнице, сигналы речных судов...

– Вот это всё и рисуй!

– Таким, как я вижу?

– Да, только таким! Ведь для ленточки реки можно выбрать и синий цвет, и голубой, и даже чёрный, если вспомнишь её название. Можно нарисовать на ней кораблик, а можно и забыть о нём. Можно нарисовать пугающие горы, а можно сделать их манящими.

– И на горах изобразить птиц?

– Конечно, ведь ты же видел их, они – часть этих скал.

Учитель постоянно тревожил мысль и чувства своего ученика.

– Ты знаешь, что почти все люди потрясающе глухи? – сказал он однажды, когда увидел мальчика сидящим над речным обрывом и о чём-то размышлявшим. – Они всё, что свистит у них в ушах, называют одинаково – ветром!

– Я не задумывался над этим, – ответил Анн, – но мне показалось, что со мной разговаривали разные ветры. Внизу, у самого подножия гор, живёт один, расслабленный и тёплый, он – ленив и не хочет никуда мчаться. А когда забираешься выше, то встречаешь другого – энергичного, стремительного. Вероятно, это брат первого, потому что они немного похожи. А ещё выше обитает третий. Вот он-то, наверное, чужак, потому что налетает сухими, жёсткими порывами, словно бы и не живёт здесь, не чувствует себя дома. А ещё у верхнего ветра и двух нижних – разные голоса.

– Это хорошо, что ты слышишь их голоса, – сказал Фланк. – Постарайся не забывать это умение, развивай его

в себе. Глухота восприятия ведёт к глухоте души.

И он давал всё новые и новые странные задания Анну. Например, спеть о том, что Анн видел на вершинах гор.

Скоро ноги и руки Анна окрепли, пальцы научились чувствовать камень, держаться за него, тело – сливаться с телами огромных великанов, по которым он ползал, попадая подчас в очень опасные места. Если ты отделяешь себя от скалы, на которую стремишься взобраться, то так и будешь чужим ей – и она отвергнет тебя, оттолкнёт, сбросит. Спящий каменный великан почувствует надоедливую щекотку и передёрнет плечами, стряхнёт человека-блоху. Однако если слиться с камнем, стать ему родным, то легко удержаться даже там, где пальцам, кажется, вообще не за что ухватиться. Появившееся внутреннее равновесие хранило его от падений.

А ещё он действительно научился слушать музыку разных мест. Когда Анн перебирался с места на место – мелодии менялись. Это было удивительным. Он не подбирал к ним слова, хотя мог бы. Словами были небо, сами горы, ящерики и птицы, кусты и ручьи. Он слышал, как они говорят, и говорил с ними. В такие дни Анн даже не задумывался, на какой уступ ему ставить ногу, за какую трещину в скале хвататься – сама мелодия вела его.

Глава третья. Первый урок боевого искусства

Вскоре Анн получил первый настоящий урок боевого искусства. На него никто не нападал, и он ни с кем не сражался, однако случилась история, приоткрывшая ему одну из тайн Школы.

Фланк очень редко говорил ученикам, чего он от них ждёт. Он предпочитал творить ситуации, в которых приходилось принимать самостоятельные решения, доискиваться до причин происходящего. Это был более длинный путь, зато путь самостоятельный, а потому и более верный. «Нельзя научить, – лукаво поговаривал Фланк время от времени, – можно помочь научиться».

Случилось всё на второй год пребывания Анна в Школе. К югу от Римона лежала небольшая долина с яблоневыми и грушевыми садами. Здесь-то и было устроено соревнование, в котором, наконец, принял участие Анн. Когда минул год, и снова стали облетать листья на деревьях, Фланк позвал его к себе и сказал:

– Теперь я точно вижу, что ты пришёл к нам не с чувством мести. Ты не проявляешь недовольства, нетерпенья, не грозишься покинуть школу. Я рад, что не ошибся. Твоя кровь даёт о себе знать.

– Моя кровь? – удивился Анн. – Ну да, мой отец, в сущ-

ности, всегда был мирным человеком.

Фланк немного помолчал, глядя на него, и потом продолжил:

– Теперь ты будешь заниматься вместе с другими учениками и постепенно найдёшь своё призвание.

– А какое оно, в чём заключается? – произвольно спросил Анн.

– Всё зависит от тебя. А пока ты начнёшь заниматься в группе мастера Кон-Тикута. Ты готов идти дальше?

– Готов!

– Тогда надень походную одежду и через полчаса будь на площадке для торжеств.

Мастер Кон-Тикут уже ждал своих подопечных. Анн оглядел товарищей: в основном – младшие воспитанники, такие же, как и он, ещё только начинавшие осваивать искусство Школы. Семеро подростков, не похожих друг на друга и вместе с тем одинаково устремлённых к своей цели. Все внимательно слушали мастера Кон-Тикута, но время от времени бросали украдкой взгляды на окна домика, в котором жил Учитель.

Задание оказалось простым. Мастер Кон-Тикут предложил им сходить в поход. Обожаемая мальчишками вещь. Пойти туда, где ещё ни разу не был, посмотреть на то, что ещё ни разу не видел. Инстинкт первооткрывателя просыпается и заводит ликующую песнь свершений.

Ученики восторженно загомонили и потянулись за по-

ходными сумками. У кого-то в них лежали только сменная одежда да огниво для разведения костра. У других имелись и сушёные лекарственные травы, и записи полезных рецептов на разные случаи жизни, и даже боевые палочки для достойного ответа лихим людям... Как сказал мастер, брать с собой в дорогу надо только то, чем умеешь пользоваться, иначе из свободного человека ты быстро превратишься в утомлённого носильщика собственной глупости и тщеславия.

– Мастер, а брать ли нам что-нибудь покушать? – спросил Кон-Тикута самый упитанный из учеников, толстяк Хилад.

Все засмеялись, но мастер отнёсся к вопросу вполне серьёзно.

– Если вы ждёте, что я начну выставлять Хилада обжорой, вы ошибаетесь, – сказал он. – Разве не естественное желание человека – утолять свой голод? И разве не признак ума – намерение заранее позаботиться о том, чтобы его было чем утолить?

– Да он его постоянно готов утолять! – буркнул Сеиф, стремительный подросток, почти вошедший в пору юности. Он постоянно и беспокойно оценивал свои умения и возможности, тренируясь до седьмого пота. Из Сеифа мог получиться хороший охранник, похожий на того, которого Анн однажды видел в Римоне.

– А чем ты сам станешь питаться? – спросил мастер. Сеиф задумался.

– Я могу сбить на лету птицу, – сказал он, – камнем или стрелой. Потом зажарить её на костре.

– А я разбираюсь в лесных ягодах и грибах, – подал голос Анн.

– А я в растениях, – сказал ещё кто-то, – смогу найти хорошую приправу к жаркому.

– Молодцы! – похвалил мастер Кон-Тикут. – А Хилад приготовит вашу добычу. Я уверен, что из него выйдет добрый повар.

– Я люблю готовить, – кивнул Хилад успокоенно.

И они отправились в путь. Кон-Тикут повёл их по берегу реки, кратчайшим путём. Местами приходилось лезть по каким-то невообразимым косогорам. Однажды они брели минут десять по колено в воде, где скалы вплотную подступали к реке.

Солнце уже закатилось за береговые скалы, когда они наконец-то добрались до римонских садов. Анн бы точно умер по пути, не расскажи Мастер о способе не уставать. Это тоже называлось «погружением в себя». Если идти и думать о том, как у тебя устали ноги, как сбивается дыханье, как пот заливает глаза – никогда и никуда не придёшь. Остановишься.

А нужно всего лишь раствориться в окружающем мире. Превратиться в текущую мимо реку и узнать холод её воды, стремительность её волн. Слиться с порывами ветра. Услышать осенний запах листвы на другом берегу. Присоединиться к бегу облаков...

Это было удивительно! Минуты бежали за минутами, расстояния складывались с расстояниями, но Анн не замечал их. Разве дерево может устать от того, что оно растёт, а облако – плывёт по небу, а воздух – дышит, а камни – накапливают тепло и отдают его змеям и ящерицам? Анн стал облаком, и деревом, и воздухом, и камнями...

На окраине фруктовых садов они разбили лагерь. Собрали сухую траву для подстилки и хворост для ночного костра. В сгущавшихся сумерках далеко в скалах светились огоньки – это шумела пышная римонская свадьба. Мастер сказал: – Завтра утром вы все отправитесь туда. Задание простое: как можно быстрее достичь обзорной площадки над рекой. Пр продемонструйте мне свои навыки, умения, сообразительность!

«Вот и пригодятся мне завтра уроки ползанья по скалам! – подумал Анн. – Не зря, видимо, Учитель гонял меня туда-сюда с этими птичьими гнёздами. На самом деле не гнёзда были нужны ему, а крепость моих мышц!»

Однако вскоре он задумался.

Так ли уж велико его преимущество? И так ли хорошо он знает скалы? Ну да, кое-что у него получается, но ведь Учитель всегда говорил, что даже великий мастер никогда не должен зазнаваться. Всегда существует тот, кто может оказаться сильнее, ловчее, сообразительнее... Сеиф старше его, а значит – сильнее, выносливее. Пусть Сеиф не так хорошо лазает по кручам, но что, если он выберет более пологий

склон и просто пробежит его? Кто быстрее придёт к цели?

Мысли о состязании перебивали сон. Анн лежал и задумчиво смотрел на звёзды. Так же и остальные – ворочались, вздыхали, обменивались соображениями.

– Кстати, а где Хилад? – вдруг спросил кто-то.

Их упитанный товарищ куда-то исчез. Ему покричали, но он не отозвался.

– Может быть, он отправился в сады, разжиться яблочком-другим? – в шутку предположил Сеиф.

– Мы бы тоже могли сходить.

– Поздно уже.

Хилад появился полчаса спустя, слегка запыхавшийся.

– Как яблочки? – спросили у него.

Отчего-то Хилад не удивился вопросу.

– Да я и для вас нарвал! – весело сказал толстяк и вывалил на ближайшую циновку спелые плоды.

Затем Анн заснул.

Утром они сделали обязательный комплекс разминочных упражнений, после чего мастер Кон-Тикут выстроил их в ряд.

– Вчера я уже говорил, что вам предстоит. Надо забраться на смотровую площадку. Быстрее других. Только помните, что горы обманчивы. Расстояние в несколько шагов может обернуться дорогой в сто стадий. И наоборот. Выбирайте свой маршрут разумно!

И все побежали к горам. Все, кроме Хилада. Он подумал,

вздыхнул и пошёл в обратную сторону, к фруктовым садам. Толстяк сдался сразу, признав, что скалолаз из него плохой.

Сеиф обернулся на ходу, увидел это и не выдержал, расхохотался.

– Яблоки вкуснее, чем скалы и сухая трава! – крикнул он.

Мастер был прав. Они бежали к горам, а те всё отодвигались и отодвигались от них. Пришлось перейти на быстрый шаг, чтобы не тратить силы зря. Одни пошли вперёд по пологой впадине, которая была не столь утомительна для подъёма, но вместе с тем существенно удлиняла путь. Другие смело полезли на самую кручу. Среди них был и Анн. В конце концов, он и не такие места видывал, когда искал птичьи гнёзда.

К своему удивлению, ему удавалось держаться в лидерах. Вместе с ним ползли по склонам ещё двое.

Вскоре выяснилось, что они вряд ли что выгадали, ибо за первой вершиной оказалась вторая. А за второй ещё одна...

Преодолев на исходе четвёртого часа последний склон и вывалившись на праздничную римонскую площадку, он, красный и запыхавшийся, испытал настоящее потрясение. За раскладным столиком сидели Учитель, мастер Кон-Тикут и неизвестно откуда взявшийся Хилад. Они безмятежно пили чай и разговаривали. В стороне стояла лошадь, запряжённая в лёгкую коляску.

С другой стороны на площадке появился запыхавшийся

Сеиф.

– Ты по прямой лез? – спросил он. – Тяжело было?

– Да, – признался Анн. – А ты в обход?

– В обход. Тяжело было. Думал, что не добегу.

– Выходит, что мы с тобой одновременно добрались.

– Точно. Интересно, что решит Учитель? Кто победитель?

Как ни томило их любопытство, пришлось смириться и ждать. А наставники всё молчали и молчали. Сначала дожидались отставших. Потом заставили всех привести себя в порядок. Потом напоили уставших донельзя учеников ароматным травяным чаем.

Наконец Фланк сделал знак, призывая к вниманию.

– Итак, кто же первым поднялся на вершину? – спросил он.

– Анн или Сеиф, – сказали все. – Мы добрались сюда после них.

– Будьте же внимательны! – сказал Фланк.

– Кто же тогда?!

– Разве Анн или Сеиф пили со мной чай, ожидая вас?

И он ритуально поклонился победителю. А тот поклонился своему наставнику. Толстый Хилад выглядел вполне довольным.

– Учитель, но как же?! Почему?! – воскликнул возмущенный Сеиф. – Он не бежал с нами! Он совсем не устал, и его одежда не выглядит запыхлённой. Хилад сжульничал! Он приехал сюда, наверное, на той повозке. Это не по пра-

вилам!

И вот тогда-то Учитель преподавал им урок. Это был первый урок боевых искусств для Анна, и запомнил его он очень хорошо.

– В бою нет правил, – сказал Фланк, – нет правильных или неправильных движений. Ваша задача состояла в том, чтобы «забраться» на смотровую площадку. Не «взойти», или «залезть», или «взбежать», а просто – «забраться». На любую вершину ведёт множество тропинок. Кто-то из вас полз по скалам, кто-то бежал по горным тропам, а Хилад выбрал для себя повозку. В чём чаще всего состоит главная ошибка бойца? Не в самом выборе, как вы можете подумать. А в том, что он станет «правильные» вещи применять в «неправильной» ситуации. Быстро бежать – правильно. Уметь лазать по скалам – правильно. Это хорошие умения. Однако правильным было бы состязаться с Анном в скалолазании или с Сеифом в беге? Нет, конечно! Хилад выбрал другое решение. И – победил.

Глава четвёртая. «На любую вершину ведёт множество тропинок...»

«На любую вершину ведёт множество тропинок...»

Эти слова Учителя Анн хорошо запомнил. Может быть, поэтому он не роптал, когда его наставником стал Кон-Тикут. Придёт время – и с ним будет заниматься сам Фланк, а пока что Анн старательно выполнял те задания, которые ему давали другие мастера. На исходе второго года Учитель снова позвал его к себе.

Фланк стоял на том же месте над рекой, где когда-то они беседовали о стихах. Анн приблизился и поклонился. Не оборачиваясь, Фланк спросил:

– Ты ещё читаешь свою книгу?

Несомненно, он говорил о той, которую Анн привёз из дома.

– Да, Учитель, – ответил он, – мне нравятся её летящие, певучие строки.

– Какие именно?

– Вот, например, – и Анн продекламировал:

Не возвращайся в минувший день!

Ты – это всадник, а день – лишь дорога.

Дни – это листья осенние, много

Их облетает...

Анн запнулся, но Фланк, к его удивлению, продолжил:

...и грустная тень

Манит всегда обернуться к бывшему...

И снова Анн:

...Только – зачем? Если скачешь вперед,

Знай: много нового всадника ждёт,

Много прекрасного, вот – аксиома!

– Только я не совсем уверен в слове «аксиома», – сказал Анн. – Я встречал его в книгах, а простые люди так не говорят.

– Всё правильно, оно и есть книжное.

Они помолчали.

– А не хотелось ли иногда тебе продолжить их? – полюбопытствовал Фланк. – Ведь некоторые из стихотворений не завершены, вместо окончаний в них стоят многоточия.

– Нет, – покачал отрицательно головой Анн.

– Почему? Разве не стали бы они от этого совершеннее, яснее?

Анн подумал.

– Нет, – с большей уверенностью сказал он. – Они действительно стали бы яснее, но не совершеннее, на мой

взгляд. Их внутренняя гармония – в той самой недосказанности, которая на бумаге выражена в многоточиях. Их совершенство – в открытости смыслов, в незавершённости, в отсутствии предначертанности. . . Мне нравится, когда я читаю уже знакомое стихотворение и вдруг вижу в нём что-то новое. Это как весна: всякий год начинается с неё, но всякий раз она бывает другой.

– Весна как многоточие? – спросил Фланк.

– Пожалуй, Вы правы, Учитель. Это сравнение мне нравится.

– И ты, наверное, вот уже вторую весну пытаешься понять, по какой из тропинок идёшь и куда? Уже двое из твоих товарищей спросили меня об этом. Их не устраивают мои помощники. Они хотят заниматься у самого «великого» мастера.

В голосе его звучала ирония.

– Я не уверен, что достоин этого, – честно сказал Анн. – Если я не умею танцевать, то ведь не королевскому распорядителю танцев учить меня! Пусть вначале моим наставником будет обычный школьный учитель, а уж затем я смогу не осрамиться перед лучшим.

Фланку понравился такой ответ. Он повернул своё сухое лицо к Анну и сказал:

– Меня радует, что разум и смирение в тебе сильнее гордыни.

И, не давая опомниться от внезапной похвалы, он спро-

сил:

– Почему ты не показываешь никому те строки, которые написал сам?

– Вы знаете, что я пробую сочинять что-то? Откуда?!

– Я иногда наблюдаю за тобой: ты приходишь на это место и просто стоишь, но твои губы слегка шевелятся. Так бывает, когда человек разговаривает сам с собой – но ведь ты не сумасшедший! И ещё – когда человек пишет стихи.

– Да, мне хочется иногда выразить своё настроение в особенных словах, – признался Анн. – Только не знаю, насколько хорошо это получается у меня.

– И всё-таки: почему ты никому не читаешь то, что сочинил?

Анн снова задумался.

– Если честно, то... я не уверен, что они кого-то заинтересуют.

Анн в этот момент подумал... о Нель, его единственном друге. Девочка, хотя нет, уже давно – девушка, была далеко от него, а другие ученики шли в жизни по своим «тропинкам», совсем не похожим на ту, по которой шёл он. Сеиф предпочитал книге специальные снаряды для развития крепости тела. Хилад – обожал готовить, у него тоже не оставалось времени на что-либо, кроме кулинарных сборников... Вот Нель бы смогла, наверное, оценить его строки. Но даже в ней Анн не был уверен. Она, наверное, давно забыла его, выбрала себе какого-нибудь нормального крестьянского

парня из их деревни и...

– Думаешь, что они не поймут тебя? – не оставлял его в покое Фланк.

– Я однажды прочитал четверостишие, – сказал Анн, – так слушавший только посмеялся надо мной.

– А кто это был? Кто-то из наших учеников?

– Нет, это был рабочий, который поправлял каменную ограду у фруктовых деревьев. Он только фыркнул насмешливо и сказал: «Ну и чушь».

Фланк загадочно улыбнулся.

– Может быть, у него было дурное настроение? Или что-то не ладилось, и он думал совсем о другом, не о стихах?

– Я встретил его на главной дороге, – вспомнил Анн. – Я как раз спускался к лугам, чтобы поискать там ароматные травы для Хилада. А этот рабочий шёл и что-то напевал себе под нос. И ещё так смешно размахивал веткой с листьями над головой, отгоняя оводов.

– Поющий человек вовсе не чужд поэзии...

– Дело во мне, Учитель? – спросил Анн.

В этот момент Фланк неожиданно сменил тему разговора.

– Собственно, вот для чего я тебя позвал: ты мне нужен для поездки, есть одно порученье.

– Я всегда готов, Учитель.

Анн не удивился: Фланк время от времени посылал учеников за пределы Школы по какой-нибудь надобности. Иногда это были незначительные порученья, как, например, по-

ездка на римонский рынок. В других случаях требовалось отвезти письмо, которое нельзя было доверить почте. Или же ученик практиковался в искусстве охраны, нанимаясь в придорожный трактир... Родители, отдавая своих детей в Школу, неизменно задавали вопрос о том, когда они снова увидят их. Фланк же всегда отвечал им, что ученики Школы – не рабы и никогда не забудут обычной жизни. «Зачем бы я тогда вообще учил их, если они потом станут чужими в том мире, куда уйдут от меня? – так говорил он. – Разве пригодятся кому-нибудь такие знания?» И часто случалось, что, например, римонский почтенный папаша отправлялся на рыночную площадь, чтобы поболтать о том да о сём со старинным приятелем. Разумеется, вспоминал своего сына, уехавшего из дому полгода назад, а сын вдруг появлялся на той же площади, восседая на школьной повозке и внимательно обозревая с высоты продуктовые ряды. Вот это бывали встречи!

– Чуть севернее Римона есть небольшой городок, Лебединый Стан. В нём должен в ближайшее время остановиться мой старинный друг – маг и учёный. Он всегда проезжает через наши края, когда с каштанов и пассикор начинают сыпаться листья. Ты должен встретить его и проводить в Школу.

– Конечно, Учитель, я сделаю всё, как нужно! Но как он узнает меня, а я его?

– Я дам тебе миниатюру, его портрет. Да и выглядит он, насколько я помню, несколько необычно. Франсис Лей все-

гда любил чудаковатые наряды. Его слуга одевается так же, поэтому ты их легко узнаешь. Остановятся они, я думаю, в гостинице «Золотой петух», там и жди. В Лебедином Стане есть ещё два постоянных двора. Ты всегда сможешь справиться о приезжих.

Наконец он протянул Анну медальон с миниатюрой.

Анну хватило и беглого взгляда для того, чтобы лицо Франсиса Лея запечатлелось в его памяти. Немного прищуренные глаза выражали ум и доброту, а строгие линии скул, подбородка, изгиб бровей говорили о твёрдом характере.

– Ты поедешь в одежде без эмблемы нашей Школы, – сказал ещё Фланк. – Она останется у тебя на нижней рубашке, но сверху ты прикроешь эмблему жилетом и плащом. Я хочу, чтобы ты путешествовал, не полагаясь на славу других людей и не прикрываясь ею. Лишь в самом крайнем случае ты можешь сказать другим, кто ты и откуда. Если, например, на тебя нападут разбойники и приставят нож к горлу, а ты не сможешь ничего сделать с ними, вот тогда я разрешаю тебе пригрозить им справедливым возмездием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.